

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВѢДОМОСТИ.

15 ІЮНЯ

№ 12.

1867 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

1) ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА:

Пожалованіе въ санъ Архіепископа.

ИМЕННЫЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ ДАННЫЙ СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СУНОДУ,

1867 года Апрѣля 16 дня: Епископа Казанскаго Антонія,

дѣлательно ревнующаго объ охраненіи и утвержденіи истинной вѣры во вновь ввѣренной ему епархіи, признали Мы справедливымъ возвести въ санъ Архіепископа.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“

(Моск. Вѣд. № 120)

2) ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ДУХОВНОМУ ВЪДО-
СТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ:

отъ 14 Мая 1867 года за № 3.

Производятся за отлично—усердное исполненіе обя-
зностей по Комитету: Въ Тайные Совѣтники: Члены Ком-
тета по преобразованію Духовно-учебныхъ заведеній, Дѣ-
ствительные Статскіе Совѣтники: Ректоръ и заслуженный
ординарный профессоръ с. Петербургскаго Университе-
та Александръ Воскресенскій; Членъ Совѣта Министра Вну-
реннихъ Дѣлъ Владиміръ Ржевскій.

Въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: Исправля-
ющій должность Директора Канцеляріи Оберъ-Прокурора
Святѣйшаго Синода Статскій Совѣтникъ Николай Серги-
евскій, съ утвержденіемъ въ настоящей должности.

Подписаль Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода Гро-
д. Толстой.

(Сенат. Вѣд. № 42)

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему
докладу Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, въ 14 де-
кабря того же Мая, объ отлично-усердномъ исполненіи обя-
зностей по званію членовъ Комитета о преобразованіи ду-
ховно-учебныхъ заведеній, Всемилостивѣйше соизволивъ
главному священнику арміи и флотовъ протоіерею Бѣ-
славскому, пожаловать митру, а протоіерея церкви Ниши-
лаевскаго Сиротскаго Института Лебедева, сопричисл-
овать къ ордену св. Анны 3-й степени.

Господинъ Синодальный Оберъ-Прокуроръ, отъ 15-
го того же Мая, предложилъ Святѣйшему Синоду, что Е-
ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Высочайше повелѣ-
ло соизволилъ преосвященному Нижегородскому Нектарію,
которому срокъ пребыванія въ С. Петербургѣ истекаетъ

17 будущаго Іюня, продолжить пребываніе здѣсь для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ еще на одинъ годъ, т. е. по 17 Іюня 1868 года, съ дозволеніемъ ему отлучиться въ свою епархію съ 1-го іюня по 1 Сентября сего года.

(Дух. Бесѣда № 22)

3) УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѢНОДА:

а) Отъ 28 Мая 1867 года. *О совершеніи молебствія по случаю избавленія Государя Императора съ Ихъ Императорскими Высочествами отъ угрожавшей опасности, въ Парижѣ.*

(Къ исполненію.)

По указу Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, по случаю избавленія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, съ Ихъ Императорскими Высочествами: Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ АЛЕКСАНДРОМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ и Великимъ Княземъ ВЛАДИМИРОМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ отъ угрожавшей опасности, 25-го сего Мая, въ Парижѣ, Приказали: О повсемѣстномъ по сему случаю отправленіи благодарственнаго Господу Богу молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, предписать циркулярно печатаными указами Московской и Грузино-Имеретинской Синодальнымъ Конторамъ, Епархіальнымъ Преосвященнымъ и Ставропигіальнымъ Лаврамъ и монастырямъ, съ тѣмъ, чтобы такое совершено было въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно не отправлено до настоящаго времени, по полученнымъ Гражданскимъ Начальствомъ телеграфическимъ извѣстіямъ о семъ событіи.

б) Отъ 26 Мая 1867 года. *Объ упраздненіи Духовно-Учебнаго Управленія и объ учрежденіи Учебнаго Комитета* Святѣйшемъ Синодѣ.

(Къ свѣдѣнію.)

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 15 го Мая за № 2361, коимъ изъясняетъ, что во исполненіе опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 5 и 10 текущаго Мая, онъ, Г. Оберъ-Прокуроръ, имѣлъ счастье докладывать ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ о мѣрахъ къ устройству высшаго завѣдыванія духовно учебными учрежденіями, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ 14 день Мая, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Для обсужденія важнѣйшихъ учебно-педагогическихъ дѣлъ учредить при Святѣйшемъ Синодѣ Учебный Комитетъ. 2) Сущствующему при Святѣйшемъ Синодѣ Духовно-Учебное Управленіе вмѣстѣ съ Общимъ при немъ Присутствіемъ, упразднить передавъ дѣла сего Управленія по строительной и хозяйственной части, вмѣстѣ съ книжнымъ запасомъ, Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ переписку по управленію Духовными Академіями и Училищами дѣвиць духовнаго званія, равно какъ дѣла инспекторской части, въ Канцелярію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. 3) Упраздняемое Духовно-Учебное Управленіе закрывать постепенно, по мѣрѣ передачи дѣлъ по принадлежности, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы работа сія во всякомъ случаѣ была окончена ко времени введенія новыхъ по Главному Духовному Управленію постанововъ, которые внести, по установленному порядку Государственный Совѣтъ, а если окажется возможнымъ то и ранѣе. 4) Чиновниковъ упраздняемаго Духовно-

наго Управленія, если они, по усмотрѣнію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, не получаютъ новыхъ назначеній на мѣста открывающіяся вакансіи въ другихъ учрежденіяхъ Духовнаго вѣдомства, увольнять Синодальному Оберъ-Прокурору на общемъ для остающихся за штатомъ основаній. **Вмѣстѣ съ тѣмъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ** Высочайше соизволилъ утвердить представленныя имъ, Оберъ-Прокуроромъ, по порученію Святѣйшаго Синода, Положеніе и штатъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ. О таковой Высочайшей волѣ Господинъ Синодальный Оберъ-Прокуроръ объявляетъ Святѣйшему Синоду, для зависящихъ къ исполненію распоряженій, прилагая Высочайше утвержденныя Положеніе и штатъ означеннаго Комитета, а также состоявшійся того же 14 Мая, Высочайшій Указъ на имя Святѣйшаго Синода объ отпускѣ потребной суммы на ежегодное содержаніе Учебнаго Комитета. *Справка.* Святѣйшій Синодъ, по разсмотрѣніи предложенія Господина Оберъ-Прокурора отъ 3 сего Мая за № 2205, вполнѣ раздѣляя изложенныя въ томъ предложеніи соображенія о необходимости образовать при Святѣйшемъ Синодѣ, въ замѣнъ состоящаго при ономъ Духовно-Учебнаго Управленія, такое учрежденіе, которое исключительно имѣло бы предметомъ своихъ занятій обсужденіе важнѣйшихъ вопросовъ по учебно-воспитательной части въ духовныхъ училищахъ и тѣмъ облегчало бы для Святѣйшаго Синода многосложный трудъ высшаго завѣдыванія сею частію въ означенныхъ заведеніяхъ, упомянутымъ опредѣленіемъ отъ 5 и 10 Мая предоставилъ Господину Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволеніе на предположенія объ упраздненіи Духовно-Учебнаго Управленія и учрежденіи при Святѣйшемъ Синодѣ Учебнаго Комитета, на изложенныхъ въ томъ опредѣленіи основаній; при чемъ повергнуть на Высочайшее утвержденіе проекты „Положенія объ Учеб-

номъ Комитетѣ“ и штата сего учрежденія. Приказали: об изложенномъ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, для свѣдѣнія и должнаго, въ чемъ слѣдуетъ, исполненія, дать знать: по Духовному вѣдомству печатными указами, —упраздняемому Духовно-Учебному Управленію, а также Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ и Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода—выписками изъ сего опредѣленія, а для объявленія во всеобщее свѣдѣніе, сообщить Правительствующему Сенату вѣдніемъ, редакціи же журнала „Духовная Беседа“, для припечатанія въ семь журналѣ, передать статьи по установленному порядку; при чемъ препроводить при указахъ и выпискахъ, равно въ Правительствующій Сенатъ и въ редакцію сказаннаго журнала, по печатному экземпляру Высочайше утвержденныхъ въ 14 день сего Мая „Положенія объ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ“ и штата сего Комитета.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

“Быть по сему.”

Въ Царскомъ Селѣ.

14 Мая 1867 года.

ПОЛОЖЕНІЕ

ОБЪ УЧЕБНОМЪ КОМИТЕТѢ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ.

§ 1. Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ учреждается для обсужденія подлежащихъ разрѣшенію Главнаго Духовнаго Управленія вопросовъ по учебно-педагогической части, и для наблюденія, посредствомъ ревизій, за состояніемъ сей части въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

§ 2. Учебный Комитетъ состоитъ изъ Предсѣдателя и Членовъ.

§ 3. Предсѣдатель избирается изъ лицъ духовнаго сана, а Члены—изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, причемъ наблюдается, чтобы избираемые на каждую изъ сихъ должностей соединяли съ высшимъ образованіемъ и опытность, необходимую для успѣшнаго исполненія обязанностей по Комитету.

§ 4. Предсѣдатель и Члены Комитета назначаются на должности Святѣйшимъ Синодомъ: изъ духовныхъ лицъ—по непосредственному его усмотрѣнію, а изъ свѣтскихъ—по предложеніямъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

§ 5. Число Членовъ въ Комитетѣ полагается *девять*; изъ нихъ *шесть* постоянно присутствуютъ въ Комитетѣ, а *три* посылаются, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, на ревизіи духовно-учебныхъ заведеній; во время свободное отъ ревизій и сіи Члены обязаны участвовать въ занятіяхъ Комитета.

§ 6. Предсѣдатель Комитета можетъ въ то же время проходить одну какую либо другую должность, если только она не соединяется съ обширными занятіями.

§ 7. Члены посылаемые на ревизіи, кромѣ службы при Комитетѣ, не могутъ занимать никакихъ другихъ должностей, почему получаютъ увеличенное содержаніе; прочіе же Члены могутъ совмѣщать съ занятіями по Комитету и другія служебныя обязанности.

§ 8. Кромѣ постоянныхъ Членовъ, къ участию въ занятіяхъ Комитета, съ вѣдома Святѣйшаго Синода, или Оберъ-Прокурора онаго, приглашаются Предсѣдателемъ, по мѣрѣ надобности и съ правомъ голоса, и постороннія лица изъ ученыхъ и педагоговъ, какъ живущихъ въ С. Петербургѣ, такъ и изъ иногородныхъ въ случаѣ прибытія ихъ по чему либо въ С. Петербургъ.

§ 9. Занятія между Членами Комитета распредѣляются Предсѣдателемъ, который вообще по званію сему пользуется правами Предсѣдателей коллегіальныхъ учреждений.

§ 10. Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ обсуждаетъ:

- 1) вопросы по приведенію въ дѣйствіе новыхъ уставовъ духовныхъ Училищъ и Семинарій;
- 2) предположенія къ усовершенію сихъ заведеній учебно-педагогической части;
- 3) программы преподаванія предметовъ въ духовныхъ Училищахъ и Семинаріяхъ;
- 4) учебныя руководства для означенныхъ заведеній;
- 5) книги, сочиненія и періодическія изданія, предлагаемыя для распространенія въ тѣхъ заведеніяхъ;
- 6) годовые отчеты о состояніи сихъ заведеній въ учебно-педагогическомъ отношеніи;
- 7) отчеты по ревизіямъ духовно-учебныхъ заведеній;
- 8) мѣры, какія могутъ оказываться нужными, по держанію тѣхъ и другихъ отчетовъ;
- 9) вопросы и предположенія по устройству Училищъ духовнаго званія.

§ 11. Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, кромѣ того, назначаетъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, конкурсы на составленіе лучшихъ учебныхъ руководствъ, постановляетъ заключенія о присужденіи за оныя премій и вообще обсуждаетъ дѣла касающіяся духовнаго просвѣщенія, передаваемыя въ Комитетъ по особымъ назначеніямъ Святѣйшаго Синода или Оберъ-Прокурора оныхъ.

§ 12. Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ въ случаяхъ надобности въ какихъ либо свѣдѣніяхъ, разсмотрѣннн того или другаго вопроса, входитъ въ сношенія съ подлежащими и равными ему мѣстами и лицами чрезъ своего Предсѣдателя, а съ высшими мѣстами и лицами чрезъ посредство Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

§ 13. Заключенія Комитета по каждому предмету прилагаются въ отдѣльныхъ журналахъ; въ журналы

вносятся и особыя мнѣнія кого либо изъ присутствующихъ въ Комитетѣ въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ большинства.

§ 14. Всѣ заключенія Комитета поступаютъ на разсмотрѣніе и зависящее распоряженіе Святѣйшаго Синода чрезъ предложенія Оберъ-Прокурора онаго, который, когда признаетъ нужнымъ, присовокупляетъ и свое заключеніе.

§ 15. Всѣ бумаги, подлежащія, на основаніи сего Положенія къ обсужденію въ Комитетѣ, присылаются на имя Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода съ обозначеніемъ: *по Учебному при Святѣйшемъ Синодѣ Комитету*, въ который за тѣмъ и передаются.

§ 16. При Комитетѣ состоитъ Правитель дѣлъ, назначаемый на должность Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, и потребное число канцелярскихъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ Правителемъ дѣлъ.

§ 17. Правитель дѣлъ отвѣтствуетъ за успѣшное ихъ движеніе, готовится къ докладу всѣ вновь поступающія бумаги, изготовляетъ и скрѣпляетъ журналы Комитета, а также упоминаемыя въ §§ 12 и 14 сего Положенія и другія исполнительныя бумаги, наблюдаетъ за своевременнымъ ихъ отправленіемъ, а также за сдачею конченныхъ дѣлъ въ архивъ Святѣйшаго Синода, ежемѣсячно представляетъ Синодальному Оберъ-Прокурору въ доности о движеніи дѣлъ по Комитету съ обозначеніемъ неоконченныхъ, распредѣляетъ между канцелярскими чиновниками Комитета жалованье сообразно ихъ трудамъ и вообще завѣдываетъ всею канцелярскою частію по Комитету.

§ 18. Правитель дѣлъ хранитъ печать, которую предоставляетъ Комитету имѣть съ изображеніемъ Государственнаго герба и съ надписью: *Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ*.

Подлинное подписалъ: *Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода Графъ Дмитрій Толстой.*

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„Быть по сему“.

Въ Царскомъ Сельѣ
14 Мая 1868 года.

Ш Т А Т Ъ

УЧЕБНАГО КОМИТЕТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ.

	Число лицъ.	ИМЪ СОДЕРЖАНІЯ.			Классы должностей.	РАЗРЯДЫ	
		Одному.		Всѣмъ.		По положенію о пенсіяхъ.	По положенію о мундирѣ.
		Жалованья.	Столовыхъ.				
		Рубли	Рубли	Рубли.			
Предсѣдатель	1	2.000	1.500	3.500	V	II	
Члены, посылаемые на ревизіи духовно учебныхъ заведеній	3	1.000	1.000	6.000	V	III 1 ст.	
Члены постоянно присутствующіе	6	1.000	»	6.000			
Правитель дѣлъ	1	1.000	500	1.500	VI	III 2 ст.	
На жалованье канцелярскимъ чиновникамъ	»	»	»	1.200	XII XIV	IX	
На канцелярскіе матеріалы, наемъ разсылныхъ, сторожей и прочіе расходы	»	»	»	1.000	»	»	
Итого	11	»	»	19.200			

Примѣчанія: 1. Исчисленные по сему штату расходы

на содержаніе Учебнаго Комитета производится изъ процентовъ съ состоящаго въ распоряженіи Святѣйшаго Синода духовно-учебнаго капитала.

2. Двупроцентный вычетъ изъ жалованья должностныхъ лицъ Комитета поступаетъ въ духовно-учебный капиталъ, на счетъ котораго производятся означеннымъ въ семь штатѣ лицамъ пенсіи по общимъ гражданскимъ срокамъ.

Подлинный подписалъ: *Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода Графъ Димитрій Толстой.*

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

О перемѣнахъ въ священнослужителяхъ.

Г. Шацка Троицкой церкви протоіерей Іоаннъ *Новосельскій* померъ. На мѣсто его перемѣщенъ тогоже города Казачей Слободы священникъ Арсеній *Яковлевъ*; а на его мѣста изъ села Унксова тогоже уѣзда священникъ Павелъ *Кременскій*.

Села Самодуровки Шацкаго уѣзда священникъ Никита *Голосовъ* померъ. На мѣсто его во священника назначень студентъ Семинаріи Семенъ *Сергіевскій*.

Въ село Поповку Козловскаго уѣзда праздно священническое мѣсто посвященъ окончившій курсъ Семинаріи воспитанникъ Михаилъ *Сеславинскій*.

2) *Объ опредѣленіи въ должности.*

Членомъ Тамбовской духовной Консисторіи, на мѣсто протоіерея Іакова Бондарскаго, вслѣдствіе представленія Епархіальнаго начальства, утвержденъ святѣйшимъ Синодомъ священникъ г. Тамбова Знаменской церкви, магистръ Викторъ *Пивницкій*.

Благочинный г. Кирсанова, протоіерей Соборной церкви Гавріиль *Калаискій*, согласно прошенію, по болѣзни, уволенъ отъ благочиннической должности. На мѣсто его утвержденъ благочиннымъ священникъ Тихвинскій двѣвчяго монастыря Алексѣй *Кандидовъ*.

3) О награжденіи набедренникомъ.

За ревностное проповѣданіе христіанскаго ученія, также вообще за усердную и полезную службу, награждены набедренниками священники сельъ: Елатомскаго уѣзда Богоявленскаго Погоста—Алексѣй *Гурьевъ*, Спаскаго уѣзда Красной Дубровы—Порфирій *Потаньевскій*, тогоже уѣзда села Новой Потьмы священникъ Павелъ *Салтыковъ*; Тамбовскаго уѣзда—Бѣломѣстной Слободы—Михаилъ *Платоновъ*, Бондарей—Іоаннъ *Рождественскій*, Борисоглѣбскаго уѣзда сельъ: Русанова—Евфимій *Никольскій* и Заполатова—Константинъ *Никольскій*.

III

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Правленіе Тамбовской Семинаріи, согласно резолюціи Его Преосвященства, на основаніи постановленія Совѣта О. о. Благочинныхъ, утвержденнаго Св. Синодомъ и напечатаннаго въ Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, за 1867 годъ № 11-й пункт. 5 стр. 154, покорнѣйше проситъ командировать депутатовъ къ 25 ч. Іюня сего года для повѣрки экономическихъ дѣлъ Семинарскаго Правленія для разсмотрѣнія смѣты доходовъ и расходовъ на будущій 1868 годъ, а равно и для разсмотрѣнія объясненій и отчетовъ О. о. Благочинныхъ, не вполне доставившихъ въ прошлую свѣчную, такъ и добавочную суммы за 1866 годъ на держаніе духовно—учебныхъ заведеній въ 1867 году.

СОДЕРЖАНІЕ

АПРѢЛЬСКОЙ КНИЖКИ

„ТРУДОВЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.“

- I. Христіанскій философъ Татіанъ. *К. Скворцова.*
- II. Доминиганецъ Яцекъ (Іакинфъ, Hyacinthus) Одровонжъ, мнимый апостоль земли русской. *Ив. Малышевскаго.*
- III. Андрей Денисовъ Вторушинъ, какъ выгорецкій проповѣдникъ (окончаніе). *Елпидифора Барсова.*
- IV. Слово въ пятокъ третьей недѣли великаго поста. *Иером. Августина.*
- V. Слово въ день благовѣщенія пресвятыя Богородицы. *Ал. Воскресенскаго.*
- VI. Избраніе новаго константинопольскаго патріарха, Григорія VI.
- VII. Воспоминаніе о покойномъ отцѣ архимандритѣ Порфиріѣ (Поповѣ), бывшемъ инспекторѣ московской духовной академіи.
- VIII. Слово въ великій пятокъ (надъ плащаницею). *Е. Барсова.*
- IX. Объявленія.
- X. Твореніе блаженнаго Августина. (Перев. съ лат.)

БАЛАНСЪ**ТАМБОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА**

къ 1-му Іюня 1867 года.

	Рубли	Коп.
Касса	117069	69
Бексели и другія срочныя бумаги	17755	—
Ссуды подъ залогъ: золота и серебра	1963	—
— Государственныхъ % бумагъ	409787	41
— Акцій и облигацій	784	—
Счетъ съ Банкомъ	458295	38
Просроченные по ссудамъ	20772	75
% выданные вкладчикамъ съ 1 января		
— 1867 года	13254	99
Платежи по купонамъ: 5% б. би-		
— летовъ	2210	—
— билетовъ займа	972	50
Расходы: Отдѣленія	1436	42
— По отсылкѣ суммъ	54	—
Проценты засчитанные при приемѣ		
4% б. билетовъ	11	95
Процентныя бумаги принадлежащія Банку	39788	30
БАЛАНСЪ	1.144.155	39
Капиталъ Банка въ Отдѣленіи	50000	—
Процентныя вклады	1025500	3
Переводныя билеты	33920	56
Проценты по операціямъ	18825	49
Переходящія суммы	15909	31
БАЛАНСЪ	1144155	39

Управляющій А. Кулжинскій.

Контролеръ П. Сорокинъ.

БАЛАНСЪ**СВЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ,****СОСТОЯЩЕЙ ПРИ ТАМБОВСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА,***къ 1-му Юня 1867 года.*

НАЗВАНІЕ СЧЕТОВЪ.	С У М М Ы по движенію.		ОСТАТКИ ИЛИ ИТОГИ по счетамъ.	
	Прибавилось по дебету, выдано и списано.	Прибавилось по кредиту, поступило и записано,	по дебету	по кредиту
Счетъ вкладчи- ковъ .	747. 74.	1.180. 42		30.630. 39
— Государ. — Банка .	1.180.42.	750 26.	30568.82	
— текущих. %/о	2. 82		12 97	
Расходовъ ра- зныхъ .			48 60	
	1930. 68	1930. 68	30630.39	30630. 39

Управляющій *А. Кулжинскій.*Контролеръ *П. Сорокинъ.*

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Геннадій.

Съ дозволенія цензуры. 19 Юня 1867 года

Тамбовъ. Въ Типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской улицѣ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

10 ІЮНЯ

№ 12.

1867 ГОДА.

НѢКОТОРЫЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЯ

ПРАВОСЛАВНЫМЪ ХРИСТІАНАМЪ.

СЛОВА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА.

I.

Въ день Крещенія Господня.

Воспѣвать бы нынѣ только славу Бога, тринч-
 явившагося на Иорданѣ,—славу, великолѣпіе
 ей восхищаетъ и Ангельскіе умы и Ангельскіе
 ѣны подвигаетъ на пѣснословіе. Но гѣжи ли мы
 вами къ тому, чтобъ взяться за сіе святое и
 ребебное дѣло?! Подготовились ли, притяжали
 запасъ Богомысленныхъ созерцаній и благо-
 асныхъ рѣченій и душу свою настроили ль,
 акъ Давидскую арфу, чтобъ на ней давидски изъ-
 ать богодвижный псаломъ Сыну крещаемому, Свя-
 ому Духу осѣняющему Его и Отцу свидѣтельст-
 оющему о Немъ? Кто готовъ, тотъ пусть поетъ,
 аждаясь утѣшительными движеніями сердца и
 ногообъятными созерцаніями духа. А я понуж-
 аюсь на другое обратить слово мое.

Въ праздникъ Крещенія благовременно спро-

ситъ крещеныхъ: такъ ли вы держите себя, крещеные, какъ подобаесть крещенымъ? Тому ли Богу служите, Коему служить обѣщались въ крещеніи?! Смотря на васъ, скажетъ ли всякій: эти крещеные,—это тѣ, кои отрекались отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всего служенія его и всей гордыни его?

Напередъ прошу, не погнѣвайтесь. Хочу укорять васъ. Хочу укорять за то, что вы къ языческимъ обратились обычаямъ и, вмѣсто Бога, стали прибѣгать къ бѣсамъ. Это не громкія только слова, а самое дѣло! Вспомните, какъ многіе изъ васъ встрѣчали новыи годъ, и теперь хладнокровно разсудите, похоже ли это на что либо христіанское? До полночи повеселиться, или проговорить о всякихъ пустякахъ, а въ самую полночь на рубежѣ стараго и новаго года, взять бокалы и вертѣться! Что это такое? И есть ли тутъ какой смыслъ?! Богъ—Владыка времени и жизни нашей. Даль Онъ намъ провести одинъ годъ и вводитъ въ другой. Въ минуту сего переходенія что предлично? Воздѣть руки къ небу и поблагодарить Господа за прошедшія милости и умолить Его продлить Свое благоволеніе и на будущее. Въ каждой ли семьѣ особо такъ поступите, или соберетесь для сего по нѣскольку семействъ вмѣстѣ — благословенно такое срѣтеніе новаго лѣта! Вертѣться съ бокаломъ—тутъ какой смыслъ?! Шутка развѣ—жизнь наша, и время—вещь ни къ чему негодная?! Если такъ: то конечно, нельзя лучше встрѣтить новаго года, какъ пустословіемъ и пляскою. Это будетъ — задать законный тонъ на весь годъ. Но, вѣдь, вы и сами такъ не думаете о времени и жизни!!! Что же это дѣлалось?! По-

веселиться захотѣли? Для веселья развѣ нѣтъ дру-
 гаго времени, совсѣмъ незнаменательнаго? Да и
 веселье тутъ бываетъ у васъ не такъ шибко. Нѣтъ,
 тутъ дѣлалось что-то другое. Что же бы такое?
 Вы скажете: обычай зашелъ. И я подтверждаю: обы-
 чай зашелъ,—и прибавлю—обычай совсѣмъ не хри-
 стианскій, а языческій, нечестивый, богопротивный.
 Въ этой минуты вы ожидаете, какъ момента
 священнаго, и бокаль берете со всѣмъ не съ та-
 кими мыслями, какъ въ другое время, и вертитесь
 въ томъ духѣ, какъ обычно. Все это у васъ
 является какъ какое—то священнодѣйствіе. Спро-
 сите теперь васъ: какому же это Богу совершает-
 ся у васъ такое священнодѣйствіе?! Христу ли
 спасителю, искупившему насъ, желчь и оцетъ
 вкушавшему, Коего руки и ноги пригвождены бы-
 ли на крестѣ нашего ради спасенія?! Конечно,
 нѣтъ. Кое общеніе!—*Кое общеніе Христови съ Вели-*
кимъ! Не къ нему сіе идетъ, а—или къ Бахусу,
 языческому богу пьянственнаго веселья, или къ
 Венерѣ, богинѣ плотскихъ утѣхъ. *И се боги ваши,*
и вы иудейскій израиллю! Такъ отъ нихъ уже и ждите себѣ,
 что желали вы другъ другу; а отъ Бога истинна-
 го нечего вамъ ждать; потому что, когда св. цер-
 ковь молилась Ему о благословеніи новаго лѣта,
 нѣтъ не было въ церкви. Силь не стало; онѣ при-
 несены въ жертву языческимъ богамъ, пустой ме-
 стѣ и лести вражеской. Что же теперь, и къ чему
 нѣтъ ваши благожеланія? Будто забрали вы въ свои
 руки все блага, и раздаете ихъ щедрою рукою:
 одному одно, другому другое, безъ обращенія къ
 Богу истинному. Иначе сего и понять нельзя, какъ
 то вы будто разграбили сокровищницу Божию и
 распоряжаетесь ею, какъ хотите, помимо Бога—

Вседержавнаго міроправителя, — или всё сладкія рѣчи ваши—дѣтское шутовство. Такъ-то, съ какой стороны ни посмотришь на обычай сей, приходится сказать: не добра похвала ваша! И не оправдывайтесь, говоря, что при этомъ у васъ не бываетъ мыслей богоотступническихъ. Да—въ дѣло-то богоотступническое; а мысли о Богѣ при этомъ нѣтъ. Какъ же назвать это, какъ не богоотступничествомъ? Не оправдывайтесь и тѣмъ, что не знаете, какъ зашелъ обычай. Да — какъ онъ зайдетъ, когда не примите? Не отворяйте ему дома, и не зайдетъ. Вотъ, еслибъ такъ одинъ не пустилъ, другой, третій и всё,—ни къ кому бы онъ не зашелъ. И пусть бы онъ себѣ шелъ, куда хочетъ, и не срамилъ нашего города, освященнаго столькими святыми...

Дѣло это, впрочемъ, уже прошлое. Не воротишь. Но вы порадуете Господа и святыхъ Его, если сознаете нелѣпость сдѣланнаго, раскаетесь и положите—не подчиняться болѣе такимъ пустымъ обычаямъ.

Скорбно было сіе слышать. Но еще не прошла эта скорбь, какъ настала другая.—Вотъ слышу на дняхъ, что пріѣхала какая—то ясновидящая, и всё потянулись къ ней, въ чаяніи вывѣдать отъ ней всё тайны и всё судьбы жизни своей, что было, что есть и особенно что будетъ. Ужели же у васъ нѣтъ настолько разумѣнія христіанскаго, чтобъ понять неосновательность своей надежды и ложность въ обѣщаніяхъ той? Вѣдь она обѣщаетъ, что дастъ отвѣтъ на все, о чемъ ни спросишь. Такъ чтоже—она всевѣдущая, что ли? Какъ это о человѣкѣ сказать можно? Знаетъ все только Богъ одинъ, и тотъ, кому Богъ откроеть. А ей

ли открываетъ?! Кому Богъ открываетъ,
 не станетъ торговать откровениемъ. Какъ же
 теперь можно вполне положиться на ея показанія?
 что, можетъ быть, и угадаетъ, а больше запута-
 ть и закроетъ неясными словами. Въдѣ тутъ тоже
 являетъ, что было въ языческія времена, въ про-
 рочищахъ. Жрецы, пѣи, сами идолы прорица-
 ли. Какою силою это совершалось, можете судить
 потому, что когда являлся гдѣ истинный рабъ
 претовъ, тамъ прорицанія умолкали, и бѣсы гла-
 во жаловались на своихъ гонителей и тѣснителей
 христіанъ. Когда распространилось христіанство,
 прорицалища замолкли. А вотъ нынѣ, когда осла-
 бѣло христіанство, опять они начали появляться въ
 разныхъ видахъ и мануть къ себѣ легковѣрныхъ,
 посягаютъ въ нихъ имя Христова. Сначала
 на западѣ открылись; а оттуда и къ намъ за-
 шли, и вотъ собираютъ дань съ суевѣрныхъ. И доб-
 ро бы, если бы стало обращаться къ нимъ только
 легковѣріе! Нѣтъ, тутъ надо видѣть нѣчто болѣе.
 Тутъ измѣна надеждъ христіанской. Спроси себя:
 къ кому это обращаешься ты и отъ кого ожида-
 ешь себѣ помощи?!... Какая—то, скажешь, есть
 тутъ сила.... Точно есть. Но ты развѣ не знаешь,
 что единая есть истинная сила Божія, отъ коей
 и можно ожидать всего. Обращаясь теперь
 къ сей безвѣстной силѣ, видимо, не Божіей, не от-
 ступаешь ли ты отъ единой истинной Силы, тебѣ,
 вѣрно, извѣстной? Если такъ, то куда же это? Ко-
 нечно—къ силѣ ложной, противоположной силѣ
 истинной, или Богопротивной. Я не беруся объяс-
 нять вамъ состояніе прорицателей. По моему оно—
 необыкновенное болѣзненное состояніе, подлежащее
 моему, вълѣдствіе сего разстройства, частію сами

видятъ шире, чѣмъ мы, а частію они наиболѣе
 бываютъ орудіями лукавыхъ духовъ. Бѣсы по-
 зуются болѣзненнымъ разстройствомъ, и чрезъ
 нихъ влекутъ къ себѣ народъ. Вѣдь они дав-
 живутъ и много знаютъ изъ прошедшаго; они все-
 ду рыщутъ и знаютъ, что, гдѣ теперь дѣлается,
 рассказываютъ чрезъ эти свои орудія. О будущемъ
 они не знаютъ, а только гадаютъ, но какъ вопрош-
 телямъ своимъ многое изъ того, что было и ест-
 рассказываютъ вѣрно: то имъ вѣрятъ и въ томъ,
 что они говорятъ о будущемъ, хотъ оно почти ни-
 когда не сбывается. Въ этомъ, полагаю, вѣрнѣй-
 источникъ ясновидѣнія. Судите теперь, что дѣла-
 те вы, обращаясь къ ясновидящимъ? Вѣру сво-
 бѣсамъ обнаруживаете. Я вамъ это не своегаданно
 рассказываю. Припомните, что было въ Филиппахъ
 во время проповѣди тамъ Ап. Павла. Была тамъ
*откровица ѿкая, и мущая духъ пытливъ, которая
 стяжаніе много дающе господемъ своимъ, гадающая и пре-
 сказывающая.* Ап. Павелъ изгналъ сего духа, говоря
запрещаю ти именемъ Іисуса Христа, изыди изъ не.
 Духъ вышелъ въ тотъ же часъ. И господа, видя
 что *изыде надежда стяжанія ихъ*, воздвигли гоне-
 ніе на св. Ап. Павла и Силу, который былъ съ
 нимъ.— Вотъ такого же рода и эта ясновидящая
 которая теперь манитъ васъ къ себѣ. Въ ней духъ
 пытливый. Цѣли же ея—стяжанія многа доста-
 вить себѣ, или доставить тѣмъ, кои возятъ ея.
 Вамъ же отъ ней никакой пользы: одна трата
 денегъ и оскверненіе души приближеніемъ къ себѣ
 лѣ бѣсовской довѣріемъ къ ней,

Вотъ, и на это посмотрѣвши, понуждаюсь ска-
 зать: *недобра похвала ваша.*

Видите ли, въ одной части у васъ—обычай

языческіе, отзываются идолопоклонствомъ, а въ другой—прямое обращеніе къ бѣсамъ. Что же это такое? Отреклись ли отъ имени Христова? Или опять уже воцарился князь міра, изгнанный Христомъ? Вѣдь, если-бъ воскресить какаго язычника и показать ему сначала, какъ новый годъ у насъ встрѣчаютъ, а потомъ, какъ тянутся къ пророцательницѣ: онъ не нашель бы никакой у насъ разности съ тѣмъ, что бывало у нихъ.— «Тутъ все наше», сказалъ бы онъ.— «И мы также богамъ нашимъ служили съ виномъ и плясками, и также къ пророцательницамъ ходили. — Гдѣ же тутъ Христось? И гдѣ хрістіане, крещенные во Христа, которые тогда такъ брали надъ нами преимущество?»—Не правдали была бы рѣчь его? Конечно права. Какъ по одеждѣ узнаетъ напр. гражданскій чиновникъ и военный: такъ по обычаямъ, дѣламъ и надеждамъ узнается—кто какой вѣры. Если вы допускаете много такого, то несвойственно увѣровавшимъ въ Господа и крещеннымъ во имя Его: кто виновать, если иной сумнился, крещены ли вы?

Простите, Господа ради, что въ свѣтлый праздникъ Крещенія обращаюсь къ вамъ съ такимъ скорнымъ словомъ. Долгъ имѣю говорить такъ, и говорю чести ради крестившагося Господа и насъ крещеніемъ освятившаго, съ тою одною цѣлію, чтобъ вы осмотрѣлись и отстранили отъ поведения своего все, что можетъ лежать чернымъ пятномъ на свѣтлой одеждѣ, которою облеклись вы въ крещеніи. Аминь.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ

Огюста Школя.

VII.

О Б Ъ А Д Ъ .

При этомъ страшномъ словѣ, кажется, готовы разлетѣться всѣ убѣжденія, какія апологету Христіанства доселѣ удалось установить касательно защищаемой истины. . . . Что касается другихъ предметовъ, то объ нихъ согласны по крайней мѣрѣ слушать апологета, и свѣтъ истины, мало по малу проникая въ разумъ, успѣваетъ наконецъ озарить предъ его взорами содержаніе религиозныхъ предметовъ и ихъ цѣль въ такой связи и совершенствѣ, что признается и постигается дѣйствіе Божественной десницы, установившей и хранящей нашу святую Религію. Но при словѣ *ад* изъ глубины всякой души поднимается ропоть и заглушаетъ голосъ апологета. Отъ него тотчасъ отвращаются съ холодностію, заступающею мѣсто всякаго сочувствія, долгими усиліями приобретеннаго, и все зданіе его апологіи готово низринуться въ бездну, быть можетъ, по недостатку надлежащей осторожности, имъ же полуоткрытую.

Чего однакъ не можетъ сила истины и убѣжденія для защиты Религіи? Оставаясь въ положеніи противника противъ слѣпой силы предразсудковъ и, не смотря на всѣ невыгоды такого положенія, апологетъ съ отвагою приметъ рѣши-

люди защищаться: и обращаясь къ незначительному числу слушателей, которыхъ еще удержитъ около него скромная философія и чистая любовь къ истинѣ, онъ будетъ говорить имъ: да, есть адъ; есть и вѣчныя муки.

II прежде всего, для начала, мы обратимся къ самому закоренѣлому невѣрующему съ вопросомъ: исполнѣ ли вы убѣждены въ томъ, что нѣтъ ада?—Въ такомъ случаѣ вамъ принадлежитъ убѣжденіе, какаго прежде васъ никто не имѣлъ, ни даже самые знаменитые противники божественныхъ законовъ; убѣжденіе, какаго не имѣли ни Жанъ-Поль, на этотъ вопросъ отвѣчавшій: *я ничего объ адѣ не знаю*; ни Дидро, который въ видѣ разговора съ своею душою выражается такъ: «если вы злоупотребляете разумомъ; вы не только будете несчастны въ сей жизни, но тоже несчастіе будетъ преслѣдовать васъ и по смерти въ адѣ.—И кто вамъ сказалъ, что есть адъ?—При одномъ сомнѣніи о его дѣйствительности, вы должны вести себя такъ, какъ бы онъ существовалъ.—А если я увѣренъ, что его во все нѣтъ?—Въ этомъ я вамъ не могу помочь.»—Такаго убѣжденія не имѣлъ даже и Вольтеръ, который одному изъ своихъ корреспондентовъ на его слова: «думаю, что я наконецъ дошелъ до увѣренности въ несуществованіи ада,»—отвѣчалъ: *«вы очень счастливы; но я далекъ отъ этой счастія!»*

Итакъ сомнѣніе, быть можетъ, . . . вотъ положеніе разсматриваемаго вопроса, понимаемаго въ крайней противоположности съ защищаемою истинною.

Слѣдственно, если мы представимъ достойныя сужденія свидѣтельства, основанія и доказатель-

ства, словомъ, все, что можетъ склонять къ убѣжденію, то ученіе объ адѣ должно будетъ перейти изъ возможнаго въ вѣроятное, изъ вѣроятнаго въ достовѣрное.

Мы, одна кожъ, недумаемъ скрывать отъ себя, что основанія и доказательства въ подтвержденіи этой истины должно быть самыя важныя, заслуживающія уваженія; потому что при малѣйшемъ колдбаніи въ рѣшеніи столь огромнаго вопроса, надобно ожидать изворотовъ и сопротивленія со стороны невѣрія, которое предается сомнѣнію только тогда, когда остается само по себѣ, но тотчасъ бросается въ отрицаніе, когда хотятъ привлечь его къ утверженію.

Указавши такимъ образомъ на пособія и трудности въ рѣшеніи вопроса объ адѣ, приступимъ къ дѣлу.

1. «Только оеократическій деспотизмъ, говорятъ нѣкоторые отсталые умы, только Папы и пасторы глубоко насадили предразсудокъ объ адѣ около церкви католической, чтобы посредствомъ его держать въ страхѣ робкія души, и на края воображаемой бездны написали эти ббзпощадныя слова: *внѣ церкви нѣтъ спасенія.*»

Эти послѣднія слова въ свою очередь займутъ свое мѣсто въ нашихъ изслѣдованіяхъ, и мы смѣемъ обѣщать теперь же, что разумъ и сердце чловѣческія скрѣпятъ ихъ своею подписью.

Но что касается мнѣнія, по ксоторому обвиняютъ Церковь Католическую въ томъ, будто она сама отъ себя произвольно выдумала ученіе объ адѣ, то мы отвѣчаемъ, что это ученіе не составляетъ новизны и прибавленій въ системѣ христіанскихъ истинъ, а на противъ оно тавъ строго свя-

дано съ цѣлымъ содержаніемъ этой Божественной системы и такъ еросло съ ея основаніемъ, что малѣйше колебаться въ принятіи его, значитъ—колебаться въ принятіи и всѣхъ прочихъ истинъ, и отвергать его, значитъ—отвергать все. Отвергать действительное существованіе ада, значитъ—отвергать Искупленіе; а отвергать искупленіе, значитъ—отвергать спасеніе рода человѣческаго крестною смертію Иисуса Христа, т. е. самое высшее и совершеннѣйшее изъ всѣхъ откровеній любви, явленной Отцемъ Небеснымъ къ нашей грѣшной землѣ. . . И, слѣдственно, значитъ—отвергать основаніе всѣхъ учрежденій любви, какія порождены примѣромъ Бога, умершаго за свои созданія, и разрушать источникъ того, что есть наиболѣе сладостнаго, отраднаго и благодѣтельнаго для человѣчества.

Итакъ, вамъ предоставляется сдѣлать выборъ и рѣшить: предъ вами все величественное зданіе истинъ христіанскихъ, основанное на развалинахъ язычества, окруженное благоговѣніемъ осьмнадцати вѣковъ, окрѣпшее и возрасшее среди измѣнчивой превратности вещей человѣческихъ, которая унесла и уноситъ съ собою все, кромѣ этого зданія. И его надобно разрушить всецѣло, срыть и пройти плугомъ по землѣ, на которой оно стоитъ, если вы хотите исключить ученіе объ адѣ изъ системы истинъ христіанскихъ.

Быть можетъ, вы и рѣшаетесь на это чрезвычайно важное отрицаніе. . . Пусть будетъ такъ! Итакъ вотъ вы внѣ той Церкви, которая, какъ вы говорите, имѣла столько корыстолюбивыхъ расчетовъ на счетъ ученія объ адѣ, чтобы оградить неприкосновенность своей власти. Вы уже

можете не бояться положенія: *внѣ Церкви нѣтъ спасенія*; ибо оно относится только къ людямъ, не выходящимъ изъ послушанія Церкви. Вотъ вы свободны: чѣмъ выше власть, тѣмъ страшнѣе ея угрозы; но вы независимо и безбоязненно можете предаваться изслѣдованію Христіанства, въ духѣ протестанства, съ его измѣнчивымъ непостоянствомъ и разнообразіемъ. Сколько путей обойдти истину, отъ которой вы хотите убѣжать!

Но что же? Всѣ эти пути имѣютъ тоже направление, чтобы только привести васъ еще неизбѣжнѣ къ признанію этой истины. На всѣхъ истинахъ католичества остались слѣды отъ молота протестантской ереси; многія изъ нихъ сокрушены; нѣтъ ни одной, которая бы не подверглась преобразованію и переработкѣ въ смыслъ благопріятномъ по видамъ разума и *свободы*,—таковы безбрачная жизнь и монашество, устная исповѣдь, дѣйствительное присутствіе Тѣла и Крови Христовыхъ въ Евхаристіи, Богослуженіе и его порядки и обычаи, требующіе нелегко обходящейся подчиненности и проч. . . .; одна истина обь адѣ устояла на своемъ мѣстѣ, неприкосновенно, и даже, по ученію Римской церкви, будто бы расширена на счетъ ея ученія о чистилищѣ, которое рѣшительно отвергнуто протестантами. У нихъ нѣтъ средняго мѣста для слабаго человѣчества: есть только небо, или адъ.

Вы, быть можетъ, скажете: «такъ отвергнуть это Христіанство всецѣло!»—Но подумали ли вы объ этомъ? Вѣдь, Христіанство составляетъ источникъ жизни и истины, средоточіе образованности и просвѣщенія, это великое свѣтило, при озареніи котораго народы совершаютъ свое историческое

шествіе, и среди котораго сіяютъ всѣ свойства Божества! А вѣдь его что думаете найдти, кромѣ варварства, суевѣрія и мрака? И однакожь вы готовы были бы броситься и туда, только бы уклониться отъ истины объ адѣ? И у васъ достанетъ духа оставить область истины и свѣта, чтобы спуститься въ область заблужденія и мрака? Какую громадную жертву рѣшаетесь вы принести своему невѣрію!...

Но и здѣсь сдѣлаемъ вамъ еще уступку, Пройдитесь съ вашимъ скептицизмомъ по всѣмъ странамъ и по всѣмъ вѣкамъ, и вы увидите, какъ возрастаетъ и достигаетъ высшей степени въ вѣрованіяхъ народовъ преслѣдуемая вами истина. Нѣтъ времени, нѣтъ мѣста, гдѣ бы вѣрованіе въ существованіе ада не стояло въ основаніи всѣхъ религій. Наши философы позднѣйшаго времени сами признались и положительно высказались въ своихъ сочиненіяхъ, что во времена Моисея у Евреевъ и далѣе, въ послѣдующія за тѣмъ времена, Халдеи, Ассиріяне, Египтяне вѣровали въ вѣчныя мученія.—«Съ этого времени, говоритъ Вольтеръ, мы находимъ одни и тѣже вѣрованія у Грековъ, Римлянъ и у всѣхъ народовъ на земномъ шарѣ.» (*) Ученіе о наградахъ и наказаніяхъ въ будущей жизни, говоритъ Болингброкъ, представляется теоріею, являющеюся во мракѣ древности. Оно предшествуетъ всему, что мы знаемъ достовѣрнаго. Какъ только мы начинаемъ разбирать хаосъ древней исторіи, тотчасъ находимъ это вѣрованіе весьма твердо стоящимъ въ духѣ первыхъ народовъ, каковыя только намъ извѣстны.» (**)

(*) Voltaire, cité dans les Lettres de quelques Juifs.

(**) Bolingbroke, Works, Vol. V, pag. 237 in 4-e.

Во всѣхъ странахъ, открытыхъ мореплавателями отъ крайнихъ предѣловъ Востока до конечныхъ рубежей Запада, и даже на островахъ самыхъ отдаленныхъ и неизвѣстныхъ найдено, что сердце человѣческое проникнуто страхомъ вѣчныхъ мукъ ада. Кто же внушилъ этотъ страхъ всему роду человѣческому? И какимъ образомъ при такомъ разстояніи пространствъ и географическихъ положеній, при такомъ безконечномъ различіи времени, мѣстъ, нравовъ, обычаевъ, просвѣщенія, вѣ люди одинаково могли быть убѣждены въ истинности этого вѣрованія, еслибъ оно было ихъ собственнымъ *изобрѣтеніемъ*? Откуда же могли они заимствовать его, если не изъ первобытнаго откровенія и того же самаго источника, изъ котораго происходитъ у нихъ совѣсть и ея всегдашнія истинныя

Да и кто бы могъ выдумать такое изобрѣтеніе Цари, скажутъ.—Читайте поэтовъ языческихъ, и вы увидите, что почти всѣ отверженные, о которыхъ они упоминаютъ, были цари: Сизифъ, Тавталъ, Иксионъ, Данай и многіе другіе. Итакъ нечего было царямъ изобрѣтать алъ противъ самихъ себя. Притомъ какъ это изобрѣтеніе могло быть сообщено, какъ бы въ мгновеніе ока, отъ одного конца міра до другаго? Невѣріе должно же хоть сколько нибудь умѣть полагать конецъ и самому себѣ границы, если не хочетъ для уклоненія отъ *непостижимаго* впадать въ *нелпное*, и потерять здравый разумъ во избѣжаніе вѣры.

Но, скажете вы, ужели мнѣ должно вѣрить въ этомъ несмысленной толпѣ? Въ родѣ человѣческомъ, свидѣтельство котораго я не могу отклонить, не лучшіе ли представители его личности образованныя, мыслители, которые стараются

объ исправленіи всѣхъ заблужденій и объ искорененіи всѣхъ предрасудковъ? По этому нельзя ли идти въ судилище философіи обратиться съ аппелляціею на это рѣшеніе простонародья?

Согласенъ: пойдѣмъ же въ судилище философіи.

Я не стану приводить вамъ свидѣтельства великихъ геніевъ, составляющихъ украшеніе челоуѣчества и жившихъ послѣ пришествія Іисуса Христа. Они уже устраняются, какъ христіане, и однакожь какія это имена отъ Іустина до Паскаля!—Но пойдѣмъ.

Самые старшіе философы древности были поэты; но они всѣ учили и составляли описанія о Тартарѣ и адѣ, каковы: Орфей, Муза, Линусъ, Пезіодъ, Виргилій, Овидій, Горацій. И кто не помнитъ этихъ стиховъ римскаго поэта, которые учили мы въ юности?

..... Sedet, aeternumque sedebit,
Infelix Theseus. (*)

Вотъ отверженный, прикованный на всю вѣчность къ мучительному сѣдалищу, съ котораго ему присуждено никогда не вставать. Смотрите еще, какъ Титанъ преданъ ярости коршуна, вѣчно терзающаго его:

Immortale jecur tonaens, fecundaque poenis
Viscera (**)

Что и вызвало у нечестиваго Лукреція слѣдующія слова: «какимъ это образомъ коршуны могли бы находить себѣ въ Титанѣ *вѣчную* пищу какъ онъ самъ могъ бы страдать *вѣчно*?»

Nec, quod sub magno scrutentur pectore, quidquam

(*) Virg., Aeneid. lib. VI.

(**) Idem ibid.—

Perpetuam ætatem poterunt reperire profecto...
 Non tamen æternum poterit perferre dolorem,
 Nec præbere cibum proprio de corpore semper. (*)

Таже вѣчность выражается и въ казни Сифа:

Sisyphon aspiciens, cur hic e fratribus, inquit,
 Perpetuas patitur poenas? (**)

Еще разъ повторяю, всѣ мудрецы древности оставили свидѣтельство въ пользу ученія, которое вы такъ смѣло отвергаете.

Можетъ быть, на все это вы смотрите только какъ на преувеличенія поэтическія? Но вотъ выступаетъ Платонъ, тотъ великій философъ, который поэтовъ осуждалъ на изгнаніе изъ республики, но держался того, что у нихъ было истиннаго — «Подлые нечестивцы», говоритъ онъ, «развращенная душа которыхъ по заслугамъ остается неисцѣльною, принуждены служить пугалищемъ и казни поражающія ихъ безъ пользы для нихъ, полезны только какъ свидѣтельство страшной и му-

(*) Lucret., lib. III.—

(**) Ovid. Metamorph. IV. 465.— Персей чрезвычайно живо изобразилъ предощущеніе ада въ душѣ нечестиваго злодѣя: „Великій Юпитеръ!“ говоритъ онъ, — „отецъ боговъ, когда ты рѣшишься предать казни жесточайшихъ тирановъ, когда эти чудовища природы останутся при своихъ гнусныхъ преступленіяхъ: не присуждай ихъ къ иной казни, кромѣ той, чтобы они всегда смотрѣли на радости добродѣтели, дабы при этомъ зрѣлицѣ, они постоянно сохли и снѣдлись безплоднымъ раскаяніемъ о своемъ отреченіи отъ нея.“

Virtutem videant intabescantque relicta!

темной для нихъ вѣчности.» (*) „*Души, учинившія болѣе тяжкія преступленія, низвергаются въ адъ, называемую адомъ, или другимъ подобнымъ мѣстомъ. . . . Молодой человекъ! таковъ судъ боговъ, обитающихъ на небѣ; ты не думай, будто они не занимаются тобою. Души добрыя поставлены будутъ въ общество съ добрыми; а злыя съ злыми злыми».* (**)

Сократъ училъ также о различныхъ путяхъ, которыми отходятъ души, по разлученіи съ тѣлами: «души злодѣевъ идутъ окольными путями, далеко отводящими ихъ отъ общества съ богами».

Наконецъ въ первыя времена христіанства оный философъ языческій, яростный противникъ этой религіи нашей, Цельсъ, писалъ: «Христіане имѣютъ основаніе думать, что свято проводящіе жизнь удостоятся награды за то по смерти, а злые подвергнутся вѣчнымъ мукамъ».

Gorgias.

Самыя страшныя казни, раскаленные, какъ огонь, мѣдные быки, этотъ мечъ повѣшанный на великолѣпномъ приборѣ и только на ниткѣ держащійся, который Дамоклу постоянно грозитъ смертію,—все это менѣе страшно, чѣмъ тѣ смертельные ужасы, которые мучать нечестиваго злодѣя и отъ которыхъ онъ блѣднѣетъ и трепещетъ, но о которыхъ не смѣетъ объявиться ни съ кѣмъ, ни даже съ собственной женою, совершенно оставленный самому себѣ и своимъ страшнымъ мыслямъ, отъ мучительнаго представленія которыхъ онъ не въ состояніи удержаться: «*o, я несчастный! я лечу, стремлюсь къ погибели imus, imus precipites*». (Sat. III ver. 35 et seq.).

Liv. des lois.

прибавляетъ онъ, «это мнѣніе обще у нихъ во всѣмъ людми». (*)

И такъ всѣ люди, поэты и философы, подданные и цари, образованные и необразованные какъ въ древнія, такъ и въ новыя времена, равновѣровали въ существованіе ада, не смотря на то, что для всѣхъ было бы интересно освободиться отъ этой страшной истины. «Нѣтъ уже покоя, писалъ нечестивый Лукрецій, невозможно предаться сну безмятежно: отъ чего? отъ того, что принуждены бояться *вѣчныхъ мукъ* послѣ смерти и ни одинъ смертный не можетъ быть счастливымъ пока въ душѣ есть страхъ этихъ мукъ. Надобно во чтобы ни стало, исторгнуть изъ сердца человѣческаго этотъ страхъ, изгнать его навсегда изъ вселенной; ибо онъ отнимаетъ всякое спокойствіе у людей, не оставляетъ никого нигдѣ въ безопасности, не позволяетъ вкусить ни одной радости, ни одного удовольствія». (**)

Жалко и ничтожно то поколѣніе, которое своимъ безсиліи разорвать, только можетъ потрясти эту цѣпь вѣчнаго правосудія, чрезъ нее содержащаго міръ въ подчиненіи своимъ законамъ. Сердце человѣческое и послѣ Лукреція, какъ до него, не переставало и не перестанетъ до кончины

(*) Orig. cont. Cels.

(**) Nunc ratio nulla est restandi, nulla facultas;
Aeternas quoniam poenas in morte timendum
Et mentus ille foras praeceps Acheruntis agendus
Funditus, humanam qui vitam turbat ab imo,
Omnia suffundens mortis nigrore, neque ullam
Esse voluptatem liquidam puramque relinquit.

(T. Lucretii de natur. rer. L. V, III).

носить на себѣ иго этого спасительнаго стра-
 да, который служитъ ему основаніемъ мудрости и
 краною его счастія.

Были впрочемъ во всей исторіи человѣчества
 въ поры, когда страхъ, возбуждаемый върою въ
 существованіе ада, казалось, былъ исторгнутъ изъ
 сердца человѣческаго и желаніе Лукреція, повиди-
 мому, исполнялось: первая такая пора была при
 перонѣ, а вторая—во времена Робеспьера...—Но
 эти поры самъ адъ являлся на землѣ какъ бы
 для того именно, чтобы засвидѣтельствовать
 предъ людьми о своемъ существованіи, и безумцы,
 навѣвавшіе его своими отрицаніями, поспѣшили за-
 переть его бездну громогласнымъ признаніемъ его:
 добрые и злые исчезаютъ съ лица земли, но въ
 различныхъ состояніяхъ. Нѣтъ, Шометтъ, нѣтъ,
 смерть не есть вѣчный сонъ,..... смерть есть нача-
 ло безсмертія.» (*) Потому то глубокій смыслъ зак-
 лочается въ отвѣтъ Вольтера его услужливому
 другу, который хвалился предъ нимъ, что будто
 он нашелъ наконецъ доказательство несущество-
 ванія ада: *вы очень счастливы; но я далекъ отъ это-
 го счастія!*

Дѣйствительно, чтобы дойти доэтого, надоб-
 но отвергнуть рѣшительно все Христіанство, вея-
 ную религію, всеобщее согласное вѣрованіе всѣхъ
 людей во всѣ вѣка, и подписаться одному противъ
 всего рода человѣческаго. Тутъ есть, что можетъ
 представить самый отважный разумъ отступить
 назадъ, и по необходимости принять старую аксі-

Отношеніе Максимилиана Робеспьера на имя коми-
 тета общественнаго благосостоянія, отъ 18 февраля
 2-го года. (**)

ому здраваго смысла человѣческаго: чему въровати всегда, вездѣ и всѣ, то и есть истина, или какъ говорилъ Цицеронъ: относительно чего согласи мнѣнія всѣхъ, то необходимо признать за истину. (**) Подобнымъ образомъ говоритъ Жубертъ: «какъ только разумъ возстаетъ противъ инстинкта и всеобщаго обычая, ему трудно спорить; но навѣрно онъ самъ находится въ обольщеніи». (**)

II. Обратимся однакожь къ доказательствамъ умственнымъ.

Прежде всего сознаемся, что ученіе объ адъ тяжело для сердца и неодолимо для разума.

Въ страданіи временномъ, какъ бы ни было оно продолжительно, разумъ еще понимаетъ справедливость наказанія, служащаго къ исправленію; но страданіе безъ конца, казнь, всегда поражающая, никогда несмягчаемая, и притомъ казнь со стороны сильнаго въ отношеніи къ слабому, со стороны Бога относительно твари Его, со стороны отца относительно сына!... О, у меня голова кружится,... пусть лучше остается на моихъ глазахъ покрывало вѣры.—Возвратимся однакожь.

«Если бъ я былъ Александръ, говорилъ этотъ герою другъ его Парменіонъ, я принялъ бы предложенія Дарія».—«И я-тоже, отвѣчалъ Александръ, еслибъ я былъ Парменіономъ»...

Подобный отвѣтъ со стороны Бога могъ бы быть представленъ человѣку, когда сей послѣдній по одному милосердію Творца удостоенный особенной близости къ Нему, съ дерзостію рѣшается

(*) De quo autem omnium natura consentit, id verum esse necesse est. (De Natura Deor. L. 1. n. XVII)

(**) Pencées, Essais et Maximes de I. Joubert, t. 1 p. 316

испытывать Его непостижимое величіе, и, забывая о своемъ ничтожествѣ, измѣряетъ Его безконечное правосудіе циркулемъ своей справедливости и обрѣзываетъ его по своей выкройкѣ.

Какая неразумная гордыня! Ужели Богъ тоже, что человѣкъ, или человѣкъ есть Богъ? Исключительная особенность природы и свойствъ Божіихъ не есть ли *безконечность*? А что исключительно свойственно *безконечному*, какъ не то, что оно *непостижимо* для всякаго другаго разума, кромѣ своего собственнаго?

Правосудіе Божеское надобно понимать такъ же, какъ и милосердіе. «Чтобы достойнымъ образомъ представлять его, надобно представлять его невообразимымъ и совершенно отличнымъ отъ правосудія, представляющагося по понятіямъ нашей судной опытности.»(*)

Сообщенное намъ Богомъ познаніе о справедливости имѣетъ цѣлю опредѣлить наши житейскія отношенія къ подобнымъ намъ людямъ, а не то, чтобы на основаніи этого познанія судили о дѣлахъ самаго Бога. Наша справедливость служитъ закономъ для насъ въ отношеніяхъ нашихъ къ ближнимъ; но ея недостаточно для вѣрности сужденій нашихъ, когда мы рѣшаемся съ помощію ея измѣрять безконечное. Богъ существенно непостижимъ для всякаго, кто не Богъ. . . . Если бы намъ возможно было понять Божеское правосудіе и подвести его подъ одинъ уровень съ нашимъ правосудіемъ: то оно не было бы уже правосудіемъ Божескимъ, т. е. непостижимымъ. Божескому милосердію принадлежитъ тоже глубочайшее свой-

(*) Montaigne, loc. cit.

ство непостижимости; и мы также мало понимаемъ тайну крестной смерти единороднаго Сына Божія за грѣшниковъ ослѣпленныхъ и нераскаянныхъ, какъ и вѣчныя муки отверженныхъ. Что же сказать о всемогуществѣ Бога? Кто можетъ понять, какъ Онъ извелъ міръ изъ ничтожества? А Его премудрость въ устроении вселенной, отъ насѣкомаго до огромныхъ свѣтилъ небесныхъ, кто можетъ изслѣдовать? Мы ограничиваемся указаніемъ только на свойства Его намъ извѣстныя. Но также надобно понимать и всѣ Его свойства, изъ коихъ каждое столько же непостижимо, какъ и всѣ прочія. Даже то самое свойство, которое наиболее очевидно для разума, такъ какъ наиболее существеннымъ образомъ представляется исключительно принадлежащимъ одному Божеству, — Его *необходимое и безначальное бытіе*, — такого рода, что своимъ величіемъ болѣе всего подавляетъ разумъ.

Если такимъ образомъ Богъ безконеченъ и высочайше непостижимъ во всѣхъ своихъ свойствахъ, — въ благодати, милосердіи, всемогуществѣ, премудрости, и особенно въ своемъ бытіи и присносущной жизни: то какъ возможно, чтобы Онъ не былъ непостижимъ въ своемъ правосудіи? Ужели по одному этому свойству Онъ пересталъ бы быть Богомъ? «Вы хорошо понимаете, говоритъ Малбраншъ, что въ вѣчныхъ наградахъ проявляется характеръ Божества; признавайте же въ Богѣ и вѣчную строгую правду.»

Проявляющаяся нерѣдко между нами склонность преувеличивать безконечную благодать Божию на счетъ правосудія и послѣднее ограничивать первою не можетъ вести ни къ чему другому, кромѣ атеизма. По истинѣ Богъ *безконеченъ*; и мы, не до-

ищука въ мысляхъ противорѣчія съ идеею о Его несовершеннѣйшемъ существѣ, не можемъ не приписывать того же качества *безконечности* и всѣмъ Его свойствамъ. Отрицать безконечность по отношенію къ одному свойству, значитъ отрицать ее и по отношенію ко всѣмъ прочимъ; потому что чрезъ это самое отрицается идея *безконечнаго*, или идея о Богѣ. Бога нельзя уже представить безконечно благимъ, если Онъ не безконечно правосуденъ, если т. е. Онъ не охраняетъ съ безконечною любовію во всей точности порядокъ нравственный; а въ такомъ случаѣ, все равно, что и совсѣмъ не признавать Его существованія. Словомъ, въ Существоѣ безконечномъ всѣ совершенства безконечны и, слѣдственно, равны. Кромѣ этой общей, главной мысли, обратите вниманіе еще и на то, что если нельзя представлять Бога безконечно благимъ безъ мысли о Его безконечномъ правосудіи: то равнымъ образомъ безъ этой мысли нельзя представлять Его и безконечно *премудрымъ*; а изъ этого новаго недостатка опять выводится отрицаніе Его существованія. Что же изъ всего это выходитъ? То, что не осталось бы и самаго признака безконечной благости, еслибы ей принесены были въ жертву другія совершенства безконечныя; ибо какая тамъ возможна благость, гдѣ нѣтъ порядка, правды, мудрости?..

Для устраненія такихъ недостойныхъ — погрѣшительныхъ умствованій, Христіанство потому только и выставляетъ въ высочайшей степени идею благости Божіей, что въ равной степени представляетъ идею о святости и правдѣ Божеской и, въ этой удивительной гармоніи, безконечную премудрость, какъ это мы увидимъ въ трактатѣ объ

искупленіи. И если когда со стороны человека открыто является безуміе, то именно тогда, когда онъ замышляетъ расторгнуть эту чудную гармонию, покушаясь уничтожить одно изъ свойствъ Божіихъ посредствомъ другаго,—свойствъ необходимо предполагающихъ другъ друга, какъ видно изъ всего ученія Богооткровеннаго.

Особенно предлагаю вамъ на размышленіе вышеизложенную мысль; она, раскрывая источникъ той склонности, по которой у насъ такъ охотно превозносятся безконечную благодать Божию въ ущербъ Божескому правосудію, можетъ въ то же время раскрывать всю логическую непослѣдовательность и неблагодарность современнаго намъ невѣрія по отношенію къ вѣчнымъ мукамъ.

Не видно, чтобы внѣ Христіанства ученіе о вѣчныхъ мукахъ находило столько противоборства со стороны разума человѣческаго; по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи не доходили, подобно Лукрецію, до послѣднихъ крайностей нечестія. Вездѣ находимъ, что это страшное ученіе у древнихъ излагаемо и принимаемо было просто и нѣкоторымъ образомъ естественно, и мы нигдѣ не встречаемъ ни одного изъ тѣхъ доказательствъ, какія выводятся противъ него изъ понятія о благодати Божіей и которыя составляютъ особую силу современнаго намъ невѣрія. Тогда въ этомъ даже не сомнѣвались.

Напротивъ, въ новѣйшія времена ученіе стало наиболѣе невыносимымъ, не говорю уже, для разума невѣрующихъ, но и для вѣры нѣкоторыхъ христіанъ. Не рѣдкость встрѣтить такія души, которыя, питая вѣру во все остальное ученіе христіанское, становятся въ тупикъ предъ однимъ

явленомъ о вѣчныхъ мукахъ. Если прослѣдимъ это явленіе въ историческомъ ходѣ его; то можемъ даже замѣтить, что чѣмъ далѣе отходимъ мы отъ первыхъ временъ Христіанства, по мѣрѣ того — болѣе и болѣе становится непонятнымъ для разума это ученіе, болѣе и болѣе возбуждаетъ противоборства со стороны разума.

Отъ чего это зависитъ? Отъ того, что Христіанство съ особенною силою и ясностію открываетъ намъ Божество въ свойствѣ Его безпредѣльной благодати, любви и милосердія, и усвоенныя нами изъ откровенія понятія объ этихъ свойствахъ, столь благопріятныя для нашей слабости, до того глубокаго внѣдрились въ нашей душѣ и въ нашихъ нравахъ, что стали какъ бы нашею собственностію, дѣйствуютъ въ насъ инстинктивно, и мы, забывая о ихъ истинномъ происхожденіи, противопоставляемъ ихъ самому же откровенію. Милосердіе Божіе нераздѣльно соединено съ Божескимъ правосудіемъ, а мы вооружаемся однимъ противъ другаго. И какъ подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, тѣмъ болѣе мы подвигаемся впередъ, тѣмъ болѣе смягчаются наши нравы и усваиваются эти идеи, потерю изъ вида ихъ происхожденія, то тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ довѣрія и силы злоупотребленіе, какое мы дѣлаемъ изъ нихъ противъ Божескаго правосудія.

И однакожь непослѣдовательность такого злоупотребленія и соединенная съ нимъ неблагодарность чрезвычайно поразительны. Ибо если мы станемъ доискиваться истиннаго источника раскрытой въ откровеніи идеи о благодати Божіей и свойствъ вытекающихъ изъ нея понятій о милосердіи, словѣсколюбін: то нигдѣ не найдемъ его, кромѣ

креста Иисуса Христа, который вмѣсто служенія изъ страха установилъ служеніе любви. Но естъ крестъ Христовъ открываетъ намъ такую безпредѣльную любовь, одушевляетъ насъ такимъ упованіемъ на милосердіе Божіе: то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же открываетъ предъ нами и правосудіе Божеское, столько же безпредѣльное въ своей строгости какъ и любовь. Ибо доказательство этой любви существуетъ самымъ образомъ состоитъ въ томъ, что мы *искуплены отъ ада*, и при томъ—искуплены смертію Богочеловѣка. Каково же это правосудіе, когда оно потребовало такого безпредѣльнаго выкупа?! И какъ достовѣрно существованіе ада, когда для искупленія отъ него необходима была такая жертва?!—Такимъ образомъ открывшаяся на крестѣ любовь Божія, въ которой мы стараемся находить себѣ защиту противъ истины объ адѣ, необходимо предпологаетъ адъ, безъ истинности существованія котораго она не представлялась бы въ такой ясности и силѣ. Поэтому обращать эту любовь противъ истины объ адѣ значитъ обращать ее противъ ея же самой; такъ какъ избавленіе насъ отъ ада и вызвало ея безпредѣльное проявленіе, и безъ этого для насъ не существовало бы такое откровеніе любви.

Если бы Богъ оставилъ міръ въ узахъ осужденія, заслуженнаго нашими преступленіями: то мы, имѣя познаніе о Немъ только по Его проклятійю противъ насъ, поклонялись бы Ему изъ одного приводящаго насъ въ ужасъ страха, какъ всѣ народы, погруженные во тьму идолопоклонства. Но Онъ, по Своей благодати, избавилъ насъ отъ этого мучительнаго состоянія, и мы эту самую благодать обращаемъ въ поводъ богохульствовать.

противъ Него.

Обратите вниманіе еще на то, сколько утонченнаго лукавства въ этой неблагодарности! Еслибъ избавленіе наше было вполнѣ и всецѣло безусловно, безъ всякихъ требованій какого либо самопожертвованія съ нашей стороны; если бы единственно только смертію Іисуса Христа мы искуплены были отъ ада разъ навсегда безвозвратно, такъ впрочемъ, что за нами оставалась бы полная свобода и грѣшить: тогда, не имѣя никакой нужды отвергать ученіе объ адѣ, мы безспорно признавали бы его существованіе и безпредѣльную любовь, спасшую насъ отъ мукъ адскихъ. Но такъ какъ для нашего спасенія искупительною жертвою Іисуса Христа необходимо требуется приносить еще и свои собственныя жертвы, и мы можемъ воспользоваться этимъ спасительнымъ нравствомъ только подъ *условіемъ* собственнаго старанія и полной готовности прилагать его къ нашему исцѣленію и очищенію отъ грѣховной болѣзни, не смотря ни на какія страданія съ этимъ соединенныя; словомъ, такъ какъ адъ, и при искупленіи, еще существуетъ и угрожаетъ намъ,—хотя для того только, чтобы служить для насъ побужденіемъ избѣгнуть его: то мы возстаемъ противъ ада, отрицаемъ истину его существованія, и стараемся найти для себя въ семъ отношеніи основаніе въ идеѣ о безконечной благодати Божіей, которая необходимо предполагаетъ эту истину; потому благодать Божія и открыта намъ въ искупленіи насъ отъ ада. Мы опираемся въ семъ случаѣ на идею благодати, которая служитъ пособіемъ для отклоненія грозящей намъ опасности, и отрицаемъ самую опасность, чтобы избавиться отъ условій сое-

диненныхъ съ этимъ пособіемъ.

Какая непослѣдовательность! Сколько тутъ самообольщенія и злоупотребленія!

Истина объ адѣ съ его вѣчными муками непостижима для насъ,—это справедливо; такъ оно и должно быть. Но эта истина была бы гораздо менѣе непонятною, если бы мы, по какому то странному и непонятному обольщенію, сами для себя не преувеличивали этой непонятности тѣми же самыми причинами, которыя должны бы служить къ ея проясненію. Древніе не слишкомъ мучились этою идеею; мы еще менѣе, чѣмъ они, должны бы ею подавляться; потому что совершившееся дѣло искупленія, о которомъ они имѣли только обѣтованіе, растворило страхъ мученій адскихъ упованіемъ помилованія Божія; а между тѣмъ мы еще болѣе, чѣмъ древніе, мучимся этимъ страхомъ.

III. Хотя ученіе объ адѣ непостижимо, однакожь въ отношеніи къ этой тайнѣ можно сказать тоже, что и о всѣхъ тайнахъ христіанскихъ: безконечные предѣлы ихъ всегда убѣгаютъ отъ нашего разума; но въ ограниченной, такъ сказать, долѣ ихъ безконечности, такъ что мы можемъ обнять своимъ пониманіемъ, мы можемъ открывать сообразность, связь и самыя основанія, по которымъ познаемъ необходимость принять эти тайны и проразумѣваемъ безусловную причину ихъ, которая заключается въ одномъ высочайшемъ совершенствѣ Божіемъ. (*)

Вступимъ же въ этотъ новый кругъ изслѣдо-

(*) Не то же ли представляется и въ тайнахъ природы и въ успѣхахъ науки относительно этихъ тайнъ?

рашии философскихъ. Въ этомъ дѣлѣ должна одушевить насъ бодростію мысль, по нашему мнѣнію, очень убѣдительная, — о невозможности, чтобы существованіе въ вѣчность мученій адскихъ было такъ всеобще и такъ постоянно поддерживалось между людьми, если бѣ оно не имѣло существенной связи съ нашею природою и ея инстинктами. Необходимо только поглубже проникнуть въ природу человѣческую, чтобы открыть эту связь.

1. Все въ мірѣ подчинено законамъ верховнымъ и ими управляется; ибо ничто не можетъ существовать безъ воли Того, Кто одинъ всегда существуетъ, и отъ Котораго поэтому все зависитъ. Для человѣка, въ частности, есть свой законъ. Этотъ законъ положительный: законъ этотъ написанъ въ нашей совѣсти, естественный, всеобщій и служитъ источникомъ законовъ общественныхъ и гражданскихъ, по которымъ мы соединяемся и живемъ въ обществѣ. Только въ семъ отношеніи человѣкъ отличается отъ всѣхъ земныхъ существъ тѣмъ, что по своей свободѣ можетъ нарушать данный для его жизни законъ. Но можетъ ли быть свобода человѣческая безусловна, и можетъ ли человѣкъ, по силѣ свободы, безразлично познать себѣ неопредѣленные уклоненія отъ воли существа Высочайшаго? Безъ сомнѣнія, это невозможно. Невозможно предположить, чтобы Богу, какъ Существу безпредѣльному, угодно было, чтобы какое либо ограниченное существо, Его всемогущею волею вызванное изъ ничтожества въ міръ, могло назначать Ему предѣлы, устроивъ свою судьбу помимо Его верховной воли. Итакъ необходимо признать ту истину, что хотя человѣкъ и свободенъ, но онъ не можетъ быть независимъ;

поэтому онъ подлежитъ отвѣственности, и если предъ нимъ оказывается законъ, который онъ имѣеть возможность нарушить, за то впереди его ожидаетъ наказаніе, котораго онъ не можетъ избѣгнуть. Въ противномъ случаѣ ничѣмъ неограниченная способность человѣка—нарушать законъ—сама въ себѣ заключала бы отрицаніе всякаго закона. Эту истину выражаетъ блаженный Августинъ въ слѣдующемъ изреченіи: *наказаніе упорядочиваетъ преступленія.*

Итакъ съ естественнымъ закономъ стоятъ въ связи карательныя мѣры.

Всегда ли выполняются эти мѣры и дѣйствуютъ ли здѣсь на землѣ въ полной силѣ?

Въ трактатѣ о *безсмертіи души* мы уже показали, что этого не бываетъ въ настоящей жизни и нельзя, конечно, не сознаться въ этомъ, когда мы ежедневно видимъ ненаказанность преступленія, благополучіе преступленія, нравственное развращеніе на землѣ, служащая постояннымъ источникомъ ропотливости и богохульства противъ пріиума Божія. Что собственно преступно само въ себѣ, то меньше поражается законами человеческими, чѣмъ то, что вредно для общества человеческого; и притомъ законы эти такъ ограничены и близоруки, что часто создаютъ новое разстройство въ существующихъ уже безпорядкахъ нравственныхъ, отъ которыхъ отличается она только силою. Общественное мнѣніе не только не останавливаетъ, не исправляетъ этихъ безпорядковъ, но часто уполномочиваетъ и освящаетъ ихъ своимъ одобреніемъ. Да и самая совѣсть съ своими угрызениями преслѣдуетъ преступленіе при начальныхъ его проявленіяхъ, но потомъ скоро преступленіе

не находитъ возможность обходить напоминанія со-
вѣсти и только бесплодные вопли ея по временамъ
раздаются въ вихрь торжествующаго беззаконія.

Поэтому необходимы карательныя мѣры за
предѣлами настоящей жизни.—Отсюда вѣрованіе
въ существованіе ада, отсюда и всеобщность это-
го вѣрованія. (*)

2. Но этимъ вопросъ еще не рѣшенъ, здѣсь
только подступъ къ рѣшенію. Необходимость на-
казаній въ будущей жизни признается, но *вѣч-*
ность этихъ наказаній отвергають. На этомъ пред-
метѣ намъ и надобно сосредоточить наше внима-
ніе.

Мы рѣшительно говоримъ, что отвергать вѣч-
ность мученій, необходимость которыхъ въ буду-
щей жизни признается, значитъ отвергать и са-
мыя эти мученія; а отвергать мученія значитъ
подкапывать основаніе всего нравственнаго поряд-
ка и попадать въ другой адъ, вмѣсто того, чтобы
избѣжать перваго; однимъ словомъ, мученія адскія
собственно и состоятъ въ вѣчности мученій.

Дѣйствительно, для человѣка ничего не зна-
етъ все, что, по законамъ бытія, имѣетъ свой
смыслъ. Сознаніе собственнаго безсмертія имѣетъ
такое значеніе въ его жизни, что онъ все измѣря-
етъ и цѣнитъ сравнительно въ этомъ условіемъ
своего существованія.—«Можетъ ли имѣть для
человѣка какое либо значеніе то, что *можетъ окончить-*
ся и пройти?» говоритъ невѣрующій. (**) Чась, имѣ-

(*) «Философія, говоритъ Жанъ Жакъ, твое правоученіе
прекрасно, но покажи же мнѣ, пожалуйста, что ты
поставила на мѣсто ада?»

(**) De Senancour, Obermann.

ющій наступить чрезъ шестьдесятъ лѣтъ, все уже при мнѣ. Я не люблю того, что готовится, приближается, приходитъ, и потомъ нѣтъ его. — Я желаю блага, мечты, надежды, которая всегда была впереди меня, возвышалась надо мною, превосходила самое ожиданіе мое, была величественнѣе всего преходящаго.» — Все сказанное здѣсь о надеждѣ и блаженствѣ можетъ быть сказано также о страхѣ и мученіи; потому что сердце человѣческое въ сущности своей неизмѣнно; безпредѣльность своей горячности оно вноситъ во все свои привязанности. Какъ небо временное не было бы для него небомъ, такъ и временный адъ не былъ бы адомъ. Возстающіе противъ ученія объ адѣ во всякое время сдѣлаютъ вамъ уступку касательно всѣхъ воображаемыхъ мученій и всякой продолжительности времени, какую угодно назначить для нихъ; одно только, что возмущаетъ этихъ противниковъ, — это вѣчность мученій; но этимъ самымъ они свидѣтельствуютъ о ея необходимости. Ибо ту сдѣлку, какую предлагаютъ вамъ, они готовы во всякое время подписать съ своими страстями, только бы для удовлетворенія ихъ перескочить бездну, какая бы ни была она, лишь бы не была она вѣчна, какъ представляетъ ее Религія Христова; а такимъ образомъ что возмущаетъ человека, то именно останавливаетъ его и составляетъ узду, которую онъ отъ раздраженія покрываетъ пѣною своей ярости за то, что она не позволяетъ ему сбиваться въ прямого пути.

«Обольщенія, представляемыя благами міра сего, говоритъ одинъ писатель, такъ живо и сильно дѣйствуютъ, что предъ ними все блѣднѣетъ даже слава будущей жизни. Одинъ Германскій,

Философъ, въ разговоръ съ друзьями, сказалъ однажды: для достиженія такого то предмета я отдалъ бы два милліона лѣтъ изъ моего вѣчнаго блаженства, — и онъ былъ чрезвычайно умѣренъ въ предлагаемомъ имъ самопожертвованіи. (*)

Это объясняется очень просто: человекъ такъ безконеченъ въ своихъ желаніяхъ, что, по чрезвычайно странному и однакожъ очень обыкновенному обольщенію, онъ придаетъ эту безконечность желаній самымъ кратковременнымъ предметамъ своихъ страстей. На краю могилы, въ послѣдніе дни жизни, онъ еще будетъ конить золото на деньги человѣческихъ жизней и страшиться разстаться съ нимъ; въ пламенныхъ увлеченіяхъ юности, онъ строитъ себѣ въ мечтахъ безконечное блаженство на водѣ, готовой поглотить его; да и въ зрѣломъ возрастѣ часто минутная власть доставляетъ его честолюбію такое глубокое наслажденіе, что изъ-за него во все не представляется ему слишкомъ дорого купленною за тѣ подлыя низости и даже преступленія, которыя отравляютъ все остальные дни его жизни.

„Меня не можетъ изумить никакая опасность, никакая мука:

„Я знаю одно мученіе — не быть царемъ.“ (**)

Таковъ человекъ!

На ряду съ такимъ безграничнымъ наклономъ человеческого сердца поставьте адъ съ его муками, какъ бы ни были онъ продолжительны, но только ограниченными, и скажите чистосердечно, могли ли бы вы питать хоть какую нибудь

(*) De Staël, Reflexions sur le suicide.

(**) Macbet, acte IV, scen. VIII.

надежду привести ихъ въ равновѣсіе? Въ всемогущемъ расположеніи духа человѣкъ каждую минуту забавлялся бы этимъ пустымъ адомъ, противопоставляемымъ его страстямъ; а страсти, оставаясь поэтому самому безъ обузданія, опустошали бы міръ, находя себѣ больше возбужденія, чѣмъ воспиченія въ этомъ полустрахѣ, надъ которымъ однажды одержавши верхъ, онѣ становятся тѣмъ болѣе стремительны и неудержимы, что въ самой мысли объ ограниченности временныхъ мукъ въ адѣ находятъ заранѣе одобреніе своихъ крайностей. Человѣкъ чувствуетъ и сознаетъ въ себѣ неразрушимую, вѣчную жизнь; потому для него необходимы надежды и страхи, которые бы стояли на одной высотѣ съ нимъ, были одного уровня съ нимъ, все, что ниже его, исчезаетъ предъ его взоромъ.

Еслибъ возможно было исчислить всѣ преступленія, какія остановлены были страхомъ *вѣчныхъ мукъ* адскихъ; тогда поразительно представилась бы необходимость признанія этой истины, а отсюда выходитъ необходимое заключеніе о дѣйствительности *вѣчныхъ мукъ*.

3. Но не одною только цѣлію, какъ наказаніе *предостерегающее*, оправдывается *вѣчность* мученій адскихъ, а равно и по самому началу своему, какъ наказаніе, *долженствующее удовлетворить вѣчную Божественную правду*. Это послѣднее заключеніе само собою выходитъ изъ всего, что сказано нами для вывода перваго.

Невѣчность адскихъ мученій дѣйствительно способна приводить къ тому послѣдствію, что человѣкъ могъ бы говорить Богу: «я знаю, что Ты можешь меня наказать, и ожидаю этого; но

также знаю, что Ты можешь предать наказанію только временному, только въ извѣстной мѣрѣ, и какъ бы ни была велика эта мѣра наказанія, по исполненіи его, Ты, по самому ходу дѣла, пощадишь меня и возвратишь мнѣ блаженство. Но какъ какъ я предполагаю найти себѣ удовольствіе *непредѣльное* въ удовлетвореніи моихъ страстей: то я съ охотою соглашаюсь понести наказаніе за то меня ожидающее; и подѣ этимъ условіемъ я могу предаваться всѣмъ порокамъ, съ надеждою имѣть нѣкогда въ объятіяхъ Твоего милосердія и умолять Твою благость положить предѣлъ дѣйствію Твоего правосудія».

Спрашиваю при этомъ: возможно ли тутъ что такое нибудь удовлетвореніе правосудію? Не оскорбятъ ли это значило бы оскорблять правосудіе, топтать его ногами? И, какъ мы сказали, самая мысль о временномъ дѣйствіи правосудія Божескаго не заключала ли бы въ себѣ заранѣе одобренія всѣмъ крайностямъ страстей?

Про одного римскаго чудака разсказываютъ, что онъ, будучи очень богатъ, забавлялся тѣмъ, что ходилъ по улицамъ Рима въ сопровожденіи раба, носившаго мѣшокъ съ деньгами, и прохожимъ давалъ пощечины, но тотчасъ же останавливалъ ихъ отъ всякаго взысканія по суду, выплачивая въ удовлетвореніе за обиду предварительно какую нибудь высшую сумму, какая по судебному приговору могла быть назначена ко взысканію съ него. Не выражается ли здѣсь въ точномъ подобіи поведеніе чловѣка относительно Божескаго правосудія, если бы дѣйствіе сего правосудія не имѣло никакого значенія по отношенію къ настоящей жизни чловѣческой?

Какъ! вѣдь мы сами, въ нашемъ земномъ правосудіи, въ извѣстномъ смыслѣ, сколько это отъ насъ зависитъ, пользуемся вѣчнымъ значеніемъ правосудія, когда постановляемъ приговоры къ смерти, или къ пожизненной неволѣ въ оковахъ.—Такъ, по суду человѣческому есть преступленія *непростительныя*, наказаніе за которыя никогда не должно сниматься или облегчаться; ужели же невозможны такія преступленія предъ судомъ Божиимъ? . . . И пусть не ссылаются на благодѣтельность Божию, безконечно превосходящую всякое мягкосердіе человѣческое; подобная ссылка не имѣетъ здѣсь никакого приложенія. Благодѣтельность Божія по отношенію къ преступленію можетъ открываться не иначе, какъ чрезъ прощеніе; а прощеніе невозможно для преступника остающагося въ нераскаянности; ибо только раскаяніемъ пріемлетъ благодѣтельное прощеніе. Прощеніе никому не навязывается, а воспринимается,—иначе это было бы уже не прощеніе, но слабость, безнаказанность, несправедливость. А несомнѣнно, адъ существуетъ только для однихъ *нераскаянныхъ*.

Пусть также не ссылаются и на всемогущество Божіе, которому нисколько не страшны наши преступленія: это опять не относится къ дѣлу. Здѣсь берется въ разсмотрѣніе одно только свойство правосудія Божія; и, не отрицая этого правосудія, поколику оно—правосудіе, надобно согласиться, что оно требуетъ удовлетворенія, и удовлетвореніе это никакъ не можетъ быть меньше преступленія; а это имѣло бы мѣсто тогда, когда преступленіе, какъ выше сказано, могло бы *напередъ оплачено*.

Мы не въ состояніи представить себѣ иныя

идею правосудія, потому что знаемъ его только по опыту, какъ оно является въ жизни человѣческой; а эта идея относительная, болѣе или менѣе соответствующая нашему положенію. Въ рукахъ человѣческихъ правосудіе представляется не какъ начало, само отъ себя дѣйствующее, а какъ дѣйствіе, временно выполняемое по порученію. Приложение его къ жизни признается священнымъ только въ видахъ необходимости охранять справедливость, и точною мѣрою такого приложенія бываетъ самое признаніе этой необходимости. Отсюда, какъ необходимыя слѣдствія, выходятъ два существенныя свойства правосудія человѣческаго: первое то, что правосудіе поставлено въ необходимость быть непреклоннымъ и неумолимымъ, не смотря даже на раскаяніе виновнаго, и что оно часто поражаетъ тѣхъ, кого прощаетъ Богъ; другое—то, что многія преступленія, по сущности своей, гораздо важнѣе тѣхъ, которыя подвергаются преслѣдованію и наказанію по суду человѣческому, остаются въ расправѣ этого суда и обнаруживаются только Богомъ, Который въ свою очередь поражаетъ ихъ даже тогда, когда мнѣніе людское привѣтствуетъ ихъ перѣдко своимъ одобреніемъ. У одного только Бога правосудіе существенно совершенное, независимое, безусловное, всецѣлое само въ себѣ, никому ничѣмъ не обязанное, кромѣ самого себя. Нѣтъ преступленій столь тяжкихъ и столь многократно повторенныхъ, которыхъ бы Господь не могъ бы простить кающемуся; потому что Его всемогуществомъ отстраняются отъ правосудія все другіе виды, кромѣ требованій самаго правосудія, которому чрезъ это самое открывается возможность исклониться

на милость ради заслугъ Иисуса Христа. Но съ другой стороны, нѣтъ ни одного проступка противъ закона нравственнаго,—такого, который бы предъ правосудіемъ Божиимъ не подлежалъ суду и наказанію, потому что *высочайшее правосудіе*, по самому существу своему, не можетъ погрѣшать ни въ какомъ отношеніи. Поэтому предъ правосудіемъ Божиимъ при извѣстныхъ условіяхъ всегда есть мѣсто прощенію, но безнаказанности—никогда. Эту то безнаказанность и защищаютъ, когда хотятъ ограничить мученіе за возмутительныя преступленія, съ которыми не хотятъ разстаться; а отверженные, какъ увидимъ далѣе, дѣйствительно остаются нераскаянными въ своихъ самыхъ возмутительныхъ преступленіяхъ.

Разсматривая такимъ образомъ адскія мученія со стороны ихъ начала и цѣли, мы приходимъ къ той истинѣ, что сущность этихъ мученій состоитъ въ ихъ вѣчности и что отрицать ихъ вѣчность значитъ отрицать самое существованіе мученій адскихъ, значитъ вносить безпорядокъ и разстройство въ дѣло Бога премудраго и правосуднаго, и вмѣнять Ему эти безпорядокъ и разстройство.

IV. Сдѣлаемъ еще шагъ въ эту бездну и попытаемся коснуться болѣе неоспоримыхъ основаній существованія ада.

Человѣкъ надѣленъ двумя существенными свойствами, которыхъ никогда не надобно выпускать изъ вида; такъ какъ они служатъ главнѣйшими пружинами его судьбы. Изъ этихъ свойствъ—первое то, что *человѣкъ свободенъ*, второе—что онъ *бессмертенъ*.

Оба эти свойства дарованы человѣку по однимъ

чистымъ видамъ безпредѣльной благодати Творца. Чтобы привести челоуѣка къ вѣчному блаженствованію его въ общеніи съ Богомъ,—ему дарована свобода для того именно, чтобы онъ познавалъ и любилъ Бога, а *безсмертіе*—для того, чтобы онъ могъ наслаждаться этимъ блаженствомъ въ его вѣчномъ значеніи.

Но въ самой сущности этого чрезвычайно благодѣтельнаго дара Божія уже заключается возможность утраты его челоуѣкомъ. Ибо *свобода* сама собою предполагаетъ возможность выбора не только между добромъ и добромъ, но и между добромъ и зломъ; а этотъ выборъ и составляетъ жизненную силу свободы, источникъ ея заслугъ и ея правъ.

Отсюда прямымъ образомъ вытекаетъ заключеніе, что челоуѣкъ, дѣйствіемъ своей *свободы*, можетъ или приближаться къ Богу, или удаляться отъ Бога, а свойствомъ своего *безсмертія*—придавать такому дѣйствованію свободного избранія своего значеніе вѣчное.—Когда онъ приближается къ Богу, онъ остается вѣренъ законамъ своей природы; въ противномъ случаѣ онъ ихъ нарушаетъ. Но здѣсь-то и надобно обратить все вниманіе на то, что чрезъ это самое, безъ всякаго другаго посредствующаго дѣятеля, онъ обрѣтаетъ непосредственно или награду въ своей вѣрности закону, или наказаніе въ нарушеніи его. Ибо какъ вѣрность, ведущая челоуѣка къ единенію съ Богомъ, составляетъ уже его блаженство, такъ и нарушеніе закона, разединяющее его съ Богомъ, составляетъ его злополучіе. Такимъ образомъ преступникъ самъ для себя бываетъ палачемъ, преступленіе само собою совершаетъ наказаніе и грѣхъ самъ для себя вырываетъ бездну ада.

Древняя философія сама собою прозрѣвала въ эту истину, когда устами Платона высказалась, что Богъ не можетъ быть виновникомъ зла праведнаго, или грѣха. (*)

Слѣдетвенно, Богъ не есть уже виновникъ ада, ибо адъ, если понимать его какъ слѣдуетъ, заключается въ самомъ грѣхѣ, говоритъ Боссюэтъ. (**) Такимъ образомъ не Богъ, а самъ человѣкъ рѣшаетъ свою участь собственнымъ свободнымъ выборомъ.

Итакъ человѣкъ въ самомъ началѣ, дѣйствіемъ своего перваго грѣха, по закону бытія безвозвратно лишился верховнаго блага, имъ самимъ отвергнутаго, и преданъ былъ собственному превратному уму и несмысленному сердцу, какъ говоритъ Св. Писаніе. Правда Бога не обязана никому давать отчета въ Его любви.

Но любовь Божія къ человѣку, открывшаяся первоначально въ сотвореніи его для вѣчнаго блаженства, не истощилась этимъ первымъ благоуханіемъ ему. Она снизошла даже къ человѣку согрѣшившему, взвѣсила опредѣленные послѣдствія его грѣха, и изъ всей совокупности ихъ оставила тяготѣть надъ нимъ только тѣ, которыя необходимы были для того, чтобы дать ему почувствовать и сознать все злозлудіе состоянія подъ грѣхомъ, заставить его искать очищенія отъ грѣха и опять воззвать его къ исканію блаженства, имъ

(*) Лагарпъ, приводя это мѣсто, замѣчаетъ, что слово *арта*, у насъ употребительное только въ языкѣ религіозномъ, у древнихъ относилось къ языку общесконому. (Cours de litt. t. VI p. 69—70).

(**) Sermon sur la gloire de Dieu dans la conversation des pecheurs, 1-er point.

отраченного. Господь даетъ ему *отсрочку*, дабы его свобода имѣла время воспрянуть отъ заблужденія и увлеченія грѣховнаго; и эта *отсрочка* продолжается во всю земную жизнь человѣческую, единственная цѣль которой въ томъ и состоитъ, чтобы человѣкъ оцѣнилъ по достоинству то верховное благо, которое онъ произвольно утратилъ, первый разъ рѣшившись нарушить волю Божию.

И сколько разъ призываетъ насъ Богъ обратиться къ Нему! Сколько Онъ влечетъ насъ къ Себѣ то красотами природы, то неизреченными радостями добродѣтели! Сколько Онъ вразумляетъ насъ мучительными угрызениями совѣсти, сколько призываетъ насъ къ Себѣ неприятностями и злополучіями житейскими, все окружающіе насъ предметы отравляя горестями, дабы мы ради Его отвлеклись отъ самихъ себя! Сколько Онъ окружаетъ насъ возбуждаетъ насъ озареніями, вразумленіями и другими благодатными дѣйствіями своей Религіи! За всеѣмъ тѣмъ чего же Онъ наконецъ требуетъ отъ насъ? Ничего больше, какъ только дѣйствительной переменѣны нашей свободной дѣятельности въ отношеніи къ Нему, только обращенія къ Нему нашего сердца. Безспорно, Онъ довольствуется и самою позднею переменною, даже предсмертнымъ обращеніемъ нашей воли къ добру, (только бы оно совершилось въ сей жизни) потому что и этого рода обращеніе, если не приводитъ человѣка непосредственно къ наслажденію небеснымъ блаженствомъ, то по крайней мѣрѣ поставляетъ его на пути, ведущемъ къ небу, и привлекаетъ къ нему спасительную благодать Божию, довершающую то, надъ чѣмъ самъ человѣкъ не успѣлъ трудиться въ настоящей жизни.

Можно ли еще ожидать отъ Бога чего нибудь больше безъ разрушенія существенныхъ свойствъ природы человѣческой, т. е. безъ того, что бы сдѣлано было, чтобы вещь существовала и не существовала?

Можно ли ожидать отъ Бога такихъ дѣйствій въ отношеніи къ намъ, чтобы мы любили то, что любить мы не хотимъ, т. е. чтобы мы желали того, чего мы не желаемъ? Очевидно, это ожиданіе невозможнаго; исполнить его значило бы разрушить самую сущность свободы человѣческой. Богъ дѣйствуетъ на нашу свободу призываніемъ, убѣжденіемъ, настойчивостію и ожиданіемъ послушанія съ ея стороны; но не принуждаетъ ее насильно своею властію и могуществомъ: такое принужденіе было бы разрушеніемъ нашей свободы, измѣненіемъ самой сущности нашей природы.

Съ другой стороны, возможно ли ожидать, чтобы Богъ сдѣлалъ насъ блаженными по нашимъ прихотямъ и мечтамъ, когда мы остаемся нераскаянными въ грѣхахъ, не ищемъ общенія съ Нимъ, удаляемся отъ Него? Это опять желаніе невозможнаго: ибо исполненіе его противно безконечно совершеннѣйшему существу Божию; Богъ не былъ бы безконечнымъ въ своихъ совершенствахъ, если бы какое нибудь существо могло сдѣлать свое существованіе блаженнымъ независимо отъ Него и вопреки Его воли и власти.

Итакъ за нераскаянностію нашею неизбѣжно должно слѣдовать то, что Богъ предоставляетъ человѣка его превратному уму, несмысленному сердцу и развращенной волѣ; т. е. предоставляетъ ему падти и стремиться въ бездну злополучія, составляющаго слѣдствіе его нераскаянности, — злополу-

сколько же продолжительнаго, какъ собственнаго существованіе челоѣка, т. е. въ чинаго.

Быть можетъ, кто скажетъ, что поприще свободы нашей здѣсь на землѣ слишкомъ тѣсно, слишкомъ неопредѣленно въ своихъ границахъ, и что при томъ кратковременномъ мгновеніи, которое называется жизнью, нѣтъ возможности расшевелиться и развиться въ свободѣ до такой степени, чтобы послѣдствія ея дѣятельности должны были имѣть вѣчное значеніе? Но краткость и несконечность жизни нашей, неизвѣстность ея предѣла и смерти составляютъ истинное благодѣаніе для насъ въ томъ отношеніи, что чрезъ это намъ дается возможность поддерживать и считать въ себѣ постоянное ожиданіе и страхъ суда Божія. Не научаетъ ли насъ ежедневный опытъ, что прочесть жизнь челоѣческую значить и продолжать нѣтъ нашихъ заблужденій и увеличивать тяжесть отвѣственности за наши грѣхи; что самоудѣанное предположеніе, будто смерть отъ насъ далеко, и надежда имѣть время для покаянія и исправленія составляютъ какъ бы два уха безпечной необузданной жизни? Нѣтъ, жизнь наша не слишкомъ коротка, и минута смерти не слишкомъ неизвѣстна; а слишкомъ живыя и настоятельныя побужденія, требующія отъ насъ обращенія и освященія, производятъ эту краткость и неизвѣстность.

Но въ будущей жизни, говорятъ, когда отверженные ясно увидятъ, въ какомъ пагубномъ заблужденіи находились они, и когда удары правосудія Божественнаго дадутъ имъ почувствовать всю пользу положенія, для избѣжанія котораго они воспользовались земною жизнью, — въ будущей жизни ужели невозможно, чтобы двери покаянія

были для нихъ отверзты? *жидодопи аж оязлони*

Надобно рѣшительно не знать сердца человѣческаго, чтобы предлагать такой вопросъ.—Отверженные могутъ предаваться плачевному *сожалѣнію* проведенной въ грѣхахъ жизни; но не могутъ прийти въ состояніе *раскаянія*. Злосчастія достаточно, чтобы породить сожалѣніе; но раскаяніе можетъ родиться только отъ любви, которая, по своей сущности, сама, какъ самопожертвованіе, не можетъ почерпнуть своихъ вдохновеній въ своекорыстныхъ видахъ. Въ настоящей жизни намъ не представляется очевидно весь интересъ любви къ Богу. Въ настоящей жизни Богъ полусокрываетъ для насъ. Онъ закрывается отъ насъ природою и ея явленіями, закрывается лишеніями добродѣтели, закрывается тайнами Религіи, всегда готовый однакожь явиться намъ, какъ только мы употребляемъ усилія преодолѣть препятствія, скрывающія Его отъ насъ; равно готовый вступить въ свой мракъ, когда мы остаемся невнимательны къ Нему. Этимъ—то Онъ и придаетъ цѣну нашей вѣрѣ, нашей любви, нашему раскаянію и открываетъ поприще для дѣятельнаго испытанія нашей свободы. Но въ будущей жизни, гдѣ мы будемъ, можемъ сказать, подавлены очевидностію Его присутствія и дѣйствія, этою самою очевидностію будетъ поощряться свобода нашихъ дѣйствій. При такомъ положеніи, если не представляется уже возможности грѣшить, за то нѣтъ уже возможности и подвизаться для заслуги. Такимъ образомъ, что будетъ обезпечивать блаженство святыхъ, то самое довершитъ злополучіе осужденныхъ.—*Между нами*, говоритъ Авраамъ въ притчѣ о зломъ богачѣ, *утверждена великая пропасть, такъ что до-*

перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и отсюда къ намъ не приходятъ. (Лук. 15, 26)

Это не значитъ однакожь, чтобы въ будущей жизни люди были чужды движеніи любви и ненависти; наоборотъ, тамъ эти движенія будутъ раскрываться у нихъ съ удивительною силою, далеко превосходящею всякое сравненіе съ тѣмъ, что и какъ мы испытываемъ отъ этихъ движеній въ настоящей земной жизни; ибо тамъ они не будутъ раздробляемы и будутъ находить для себя вѣчную пищу. Но тамъ они будутъ только слѣдствіемъ полнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ склонностей, какія кто успѣлъ пріобрѣсти въ сей жизни. Тамъ не будетъ возможности подобнымъ склонностямъ нататься и образоваться вновь; а отъ этого зависитъ, что при готовыхъ склонностяхъ не можетъ нататься дѣятельность, которая могла бы измѣняться, или оканчиваться.—Каждый будетъ вѣчно оставаться въ своемъ противленіи Богу, или въ своей вѣрности Ему, въ своей любви, или въ своей ненависти. (*)

Отсюда понятно, что тѣ, кои рѣшительно были болѣе слабы, чѣмъ развращены, кои, хотя

Тѣ, кои исходятъ, говоритъ Лейбницъ, изъ сей жизни съ расположеніями вражды противъ Бога, не сдерживаемые уже никакими внѣшними противодѣйствіями ео стороны нравственной природы, неизбѣжно будутъ продолжать путь, на который однажды вступили, оставаться навсегда въ томъ состояніи духа, въ какомъ застигнуты были смертію, и потому самому быть въ отлученіи отъ Бога. Такимъ образомъ они, по необходимости, будутъ ниспадать до послѣдней степени зла и мученія и, можно сказать, сами себя осуждать.

дѣйствительно не слѣдовали во всемъ закону Божію, но желали исполнять его, употребляли для того усилія и умерли съ покаяніемъ и обращеніемъ сердца къ Богу, такія личности еще имѣютъ въ себѣ некоторое расположеніе воспользоваться милосердіемъ Божіимъ, еще не потеряли способности къ окончательному исцѣленію, какъ говоритъ Платонъ, и дѣйствіемъ спасительной благодати, по молитвамъ церкви, для нихъ еще возможно вознагражденіе то, что ими не сдѣлано въ земной жизни. Но тѣ, кои добровольно расторгли всякую связь съ закономъ Божіимъ и перешли въ загробную жизнь въ состояніи вражды противъ него, какъ могутъ освободиться изъ рукъ правосуднаго Бога, чтобы заключить союзъ съ Его милосердіемъ? Это было бы возможно только подъ условіемъ рѣшительной перемѣны въ направленіи дѣятельности воли, что предполагаетъ свободу выбора; но у нихъ уже не будетъ такой свободы, способной подвизаться для заслуги, и имъ въ этомъ будетъ отказано. Только настоящая земная жизнь наша есть поприще заслуги; здѣсь только могутъ встрѣчаться намъ искушенія и запинанія, и съ нашей стороны возможны колебанія и борьба между желаніемъ оставаться вѣрными Богу, Который полусокрываетъ отъ насъ, или отдаться тварямъ, которыя представляются намъ столь обольстительными. Послѣ смерти мы уже не будемъ находиться въ подобномъ положеніи; оно уничтожится для насъ самою очевидностію нашего состоянія и нашихъ отношеній; тогда заключится поприще дѣятельнаго развитія нашей свободы, и откроется поприще обнаруженія слѣдствій земной жизни. Поэтому нравственное расположеніе, въ какомъ постигнетъ каждое изъ

насъ смерть, будетъ составлять удѣлъ, въ которомъ мы, относительно блаженства нашего или неполучія, будемъ оставаться вѣчно, потому что мы смертны. (*)

Но скажутъ еще: въ настоящей жизни мы не понимаемъ достаточно и не сознаемъ ясно всей важности ея дѣйствій; если бы дана была возможность начать эту жизнь послѣ того, какъ мы, хотя на самое короткое время, увидѣли ея слѣдствія, тогда уже мы были бы безотвѣтны за нее, и справедливо подвергались нашей вѣчной участи.

На это возраженіе сами собою представляютъ слѣдующіе два отвѣта. Во первыхъ, если бы видимое явленіе ада произвело на насъ такое сильное впечатлѣніе, которое бы изгладило всѣ влеченія, производимыя на насъ предметами нашихъ страстей, и набросило на эти предметы свой ослѣпляющій свѣтъ въ такой степени, что они потеряли бы навсегда свой обольстительный видъ и наша воля перестала бы относительно ихъ колебать-

(*) "Когда душа, говоритъ Лейбницъ, разлучившись отъ тѣла, находится въ состояніи смертнаго грѣха, и слѣд. въ враждебномъ расположеніи по отношенію къ Богу, она, подобно тяжелой массѣ, оторвавшейся и никакой стороннею причиною не останавливаемой и не совращаемой, низвергается въ бездну погибели, и, пришедши въ сознаніе своего отлученія отъ Бога, сама противъ себя изрекаетъ осужденіе. Благочестивые люди съ изумленіемъ говорятъ объ этомъ явленіи, что осужденные питаютъ противъ Бога такую ненависть, что лучше хотятъ сами идти на встрѣчу своимъ вѣчнымъ мукамъ и погибнуть въ нихъ навсегда, чѣмъ обратиться къ благодати Его. (Juit Theolog. р. 295)

ся; въ такомъ случаѣ мы поставлены были бы въ состояніе предварительно рѣшенное. На оборотъ, если предположить, что видимое явленіе ада произвело бы на насъ впечатлѣніе довольно слабое, такъ что оставалось бы мѣсто, въ извѣстныхъ случаяхъ, сомнѣнію и нечувствительности, то такое положеніе было бы сходно съ дѣйствительнымъ состояніемъ настоящей жизни нашей. И въ настоящей жизни, не смотря на предостереженія совѣсти и вѣры, не смотря на преслѣдующія огорченія и страхи внутреннія и на утѣшительныя обѣтованія религіи, мы предаемся злу, заключаемъ съ нимъ условія, скрѣпляемъ адскій договоръ, какъ бы контрактъ, и стараемся оставаться ему вѣрными, наперекоръ злополучію постигающему насъ за это еще здѣсь на землѣ. *У нихъ есть Моисей и пророки, пусть ихъ слушаютъ.....Если же Моисей и пророковъ не послушаютъ; то если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не послушаютъ. (Лук 16 29, 31)*

Мы не знаемъ, съ какимъ широкимъ участіемъ наша развращенная воля входитъ въ сочувствіе съ нашимъ невѣріемъ! Мы всегда готовы искать и требовать больше свѣта, знанія: станемъ больше искать любви! Свѣтъ, знаніе! Не будемъ ли мы нѣкогда стыдиться и укорять самихъ себя за то, что эти дары съ избыткомъ были даны намъ, и, быть можетъ, благословлять Бога за то, что не была усугублена ихъ сумма, которая послужила бы только къ приращенію суммы нашихъ невѣрностей?! Не недостатокъ свѣта и знанія насъ мучить, а наше развращенное сердце!

Въ минуту дѣйствія страсти мы добровольно отдаемся ослѣпленію ея; свѣтъ нравственной истины, озаряющій въ сознаниіи нашемъ противополож-

страсти обязанность, ослабляется и погла-
 щается мрачными испареніями похоти; но, по совер-
 шеніи преступленія, тотъ же свѣтъ опять являет-
 ся въ душѣ нашей въ образѣ мстителя за престу-
 пленіе. Отъ его-то озаренія происходитъ, что сов-
 нанію нашему представляется наше отступленіе
 отъ закона, собственная низость и малодушіе; а
 тогда—стыдъ, досада на самихъ себя, сожалѣ-
 ніе, томленіе, страхъ за свое будущее и другія
 подобныя чувствованія, составляющія угрызения
 совѣсти; это и есть первый адъ для человѣка; онъ
 же будетъ съ нимъ и послѣ сей жизни. Когда мы
 возвращаемся къ содѣянному преступленію, мы
 опять идемъ въ тотъ же адъ; и однакожь сколько
 разъ мы добровольно низвергаемся въ него! Чрезъ
 повторительныя дѣйствія страстей это ослѣпленіе
 доходитъ наконецъ до того, что человѣкъ свы-
 кается съ нимъ и погружается въ состояніе прав-
 деннаго и религіознаго омраченія, нечувствитель-
 ности къ угрызениямъ совѣсти, равнодушія и хо-
 лодности къ истинѣ. Въ этомъ состояніи,—а въ
 немъ очень многіе проводятъ жизнь, даже и не
 дозрѣвая того,—ученіе объ адѣ представляется
 имѣющимъ никакого уравнительнаго отноше-
 нія съ ходячими понятіями о грѣхѣ, особенно ког-
 да предаются беззаконію и *пьютъ его, какъ воду*. Но
 по этой омраченной нашими грѣхами совѣсти
 совершится надъ нами будущій судъ; а по совѣсти
 совершенно чистой, свѣтлой и вполне чувствитель-
 ной, такой, какою она вышла изъ рукъ Творца и
 дарена была намъ, какъ напутствіе и руководство
 въ земной жизни. Вспомнимъ, какова она была въ
 первые годы нашей юности, какъ она была богобо-
 язлива, цѣломудренна, стыдлива! Сколько страховъ,

сколько мученій поднималось въ ней при первыхъ нашихъ преступленіяхъ! и какъ заслуженнымъ для насъ представлялся тогда адъ, который такъ возмущаетъ насъ теперь! Если бы эта первобытная совѣсть была внезапно возвращена, если бы юное сердце двѣнадцатыхъ годовъ могло вдругъ явиться снова и забиться въ порочной груди чело- вѣка тридцатилѣтняго: какое мученіе, какой адъ! Въ этомъ свѣтломъ и чистомъ зеркалѣ сколько выставилось бы огромныхъ и чудовищныхъ пятенъ, въ самомъ безобразномъ видѣ накопившихся въ нашей жизни; и какихъ усилій не употребили бы мы, чтобы избавиться отъ нихъ, или подавивъ эту совѣсть, неумолимо насъ осуждающую, или измѣнивъ эту преступную жизнь!! И чтожь, — если мы уже не въ состояніи сдѣлать ни того ни другаго и притомъ навсегда?! Возможна ли болѣе мучительная казнь, чѣмъ эта, происходящая въ сознаніи борьба совѣстнаго существованія высокаго призванія съ постыдною низостью дѣйствительности, истины съ ложью, любви съ ненавистію, жизни съ смертію, — борьба безъ всякой возможности тому или другому чувству одержать верхъ или ослабить то или другое, — борьба, неизбежно поэтому сопровождающаяся вѣчными воплями и рыданіями! Вотъ адъ, вотъ состояніе отверженныхъ?! Истина, вполне очевидная, будетъ проникать ихъ до послѣдней глубины ихъ сознанія и непрестанно вынуждать у нихъ осужденіе противъ самихъ себя за то, что они отвергали и презирали ее, когда такъ прекрасно было следовать ей и почитать ее. Понимать истину во всей ея красотѣ а себя сознавать во всѣхъ невѣрностяхъ противъ нея, — въ этомъ будетъ состоять полное убѣжденіе

пераскаивающихъ грѣшниковъ и казнь ихъ на всю вѣчность.

Такими то путями разумъ проникаетъ въ таинственное ученіе объ адѣ, и хотя не понимаетъ его волюнѣ, однакожь находитъ въ немъ такія отношенія и нравственно религіозныя побужденія, на основаніи которыхъ можетъ принять его и подчиниться ему.

V. Когда мы окончили уже объясненіе вышеизложенныхъ мыслей объ этомъ глубокомъ предметѣ, и онѣ представлялись намъ согласными съ здравымъ разумомъ; въ то время мы нашли вървое подтвержденіе имъ, встрѣтивши ихъ подъ перомъ мыслителя, одареннаго великимъ талантомъ философскимъ и вѣрою, просвѣщенною въ борьбѣ съ невѣріемъ. Имя его уже записано въ настоящихъ изслѣдованіяхъ нашихъ, это — Исхаръ. (*)

Вотъ его мнѣніе о вѣчныхъ мукахъ, достаточно раскрытое.

«На предлагаемый мнѣ вопросъ, каково мое мнѣніе объ участи людей послѣ смерти и о томъ, какъ надобно понимать мученія, о которыхъ говоритъ Религія Христіанская, вотъ мой отвѣтъ: душа, или, пожалуй, человекъ—духъ, отрѣшившійся отъ тѣла, если онъ пріобрѣлъ тѣ или другія нравственныя склонности добрыя или злыя, зависящія отъ рода любви, которая господствуетъ въ немъ въ земной его жизни и еще болѣе будетъ господствовать въ немъ съ переходомъ въ высшую область жизни, такъ какъ способности его тогда будутъ обладать гораздо болѣею силою, и его

(*) Смот. въ томъ же томъ стр. 1.

любовь находить для себя больше пищи, — таковой человекъ будетъ проводить свое существованіе въ области жизни, гдѣ царствуетъ извѣстная степень блаженства, или томленія душевнаго, соотвѣтственнаго его любви.

«Эго душевное томленіе, или мученія, которымъ подвергнется человекъ злой въ будущей жизни, онъ самъ для себя *опредѣляетъ* тѣмъ родомъ любви, которой онъ предается въ настоящей жизни, и самъ же будетъ непрерывно *продолжать* ихъ, добровольно оставаясь съ тою же любовію.

«Эта великая истина представляется намъ еще въ сей жизни; ибо всѣ небесныя истины постоянно присущи предъ нашими глазами какъ написанныя; все зависитъ отъ умѣнья читать ихъ. Напримѣръ: мудрецъ, который законнымъ образомъ предается любимымъ занятіямъ своимъ, носитъ въ сердцѣ своемъ расположенія чистыя и сладостныя; супругъ, обнимающій любимую супругу, нѣжность которой распространяетъ счастье въ семействѣ, — тотъ и другой вкушаютъ уже блаженство, рѣшительно противоположное томительнымъ ощущеніямъ и тоскѣ, какія испытываютъ люди жестокосердые, питающіеся кровавыми ощущеніями, и супруги, ненавидящіе другъ друга, мучители собственной семьи. Личности послѣдняго рода хотя и страдаютъ отъ собственныхъ ощущеній, соотвѣствующихъ душевнымъ ихъ расположеніямъ, добровольно однакожь остаются при нихъ. По указанію собственнаго разума они понимали опасность своего положенія; со стороны собственной воли имѣли возможность уклониться отъ этой опасности; потому что воля, въ началѣ, обладаетъ достаточною силою для побѣжденія склонностей.

какъ бы ни были онѣ обольстительны. Но предаваясь своимъ склонностямъ по свободному выбору, добровольно подклоняясь подъ иго собственной гибельной страсти, допустивъ обратиться ей даже въ привычку, онѣ дошли до такого состоянія, что потеряли уже силу побѣждать въ себѣ господствующую любовь и даже предпочитаютъ ужасное наслажденіе, въ ней находимое, всѣмъ другимъ удовольствіямъ, хотя они на самомъ дѣлѣ страдаютъ отъ ощущеній, соответствующихъ ихъ превратнымъ расположеніямъ нравственнымъ.

Представляйте этому шуту, что онѣ губить свое счастье, свой покой, свое доброе имя;—въ отвѣтъ отъ него получите, что онѣ это знаетъ и безъ васъ, и забавляется. Предложите этому гулякѣ отказаться отъ его неумѣренныхъ отвратительныхъ наслажденій;—отвѣтъ тотъ же, что самъ онъ знаетъ всю ихъ гнусность и опасность, и не прекращаетъ ихъ. Всѣ по своей доброй воли упорно остаются при гибельномъ направленіи своей любви, составляющемъ ихъ собственное злополучіе.— Всего этого никакъ не слѣдуетъ приписывать Богу; напротивъ, Онѣ всѣмъ людямъ желаетъ истиннаго счастья и блаженства и употребляетъ къ тому всѣ мѣры и средства Своей благодати, согласны съ Его правдою и святостию. Но такъ какъ человѣку даровано высокое преимущество свободы, и Богъ не отнимаетъ у тварей дарованныхъ имъ преимуществъ; то Онѣ, оставаясь вѣренъ своимъ намѣреніямъ, не хочетъ предпринимать противъ уклоненій свободы человѣческой пристрастныхъ мѣръ для утвержденія ея въ добръ; потому что въ семъ случаѣ уже не было бы у человека истинной свободы. Равнымъ образомъ въ

силу того, что человекъ надѣленъ *безсмертіемъ*, безъ отнятія этого дара, Богу невозможно положить препятствіе, чтобы человекъ не могъ *въчуждо* оставаться въ томъ направленіи любви, какое он добровольно избралъ и усвоилъ себѣ. Для огражденія порядка и благодѣянія тварей, премудрость Творца, согласно требованіямъ Его благости, правды и святости, счастье и блаженство тварей поставила въ зависимости отъ развитія въ нихъ любви чистой, соотвѣтствующей общему порядку и гармоніи бытія и жизни въ мірѣ; а съ направленіями любви, нарушающей и возмущающей этотъ порядокъ, соединила наказанія, которыя для своей дѣйствительности не могутъ быть по степени ниже того, какъ они являются въ жизни; ибо зло теперь готово взять верхъ надъ добромъ. Эти законы, однажды установленные для поддержанія нравственнаго порядка, также неизмѣнны, какъ и законы природы физической; а потому невозможно, чтобы превратное направленіе извѣстнаго рода любви не привлекало извѣстнаго рода наказаній на тѣ личности, кои предаются этому направленію. Мы были бы поражены удивленіемъ, если бы въ состояніи были оцѣнить всю справедливость небеснаго кодекса и всю вѣрность Божественныхъ вѣсовъ. Порокъ, который будетъ наиболѣе вѣсить къ нашему осужденію, есть *гордость*; въ ней причина того, что мы любимъ только самихъ себя, и она служитъ главнымъ источникомъ всякаго зла.» (*)

Эти мысли, полныя справедливости и глубины

(*) Jsnard, Notes du discours de l'immortalité de l'ame, p. 81—84 edit. 1805.

ны, представляются намъ весьма способными вести разумъ къ пониманію удивительной гармоніи, заключающейся въ разсматриваемыхъ нами тайнахъ, самыхъ тягостныхъ для него, и къ убѣжденію въ томъ, что эти тайны представляются ему недоступными не по своей только высотѣ, а потому, что онъ, считая себя естественно способнымъ понимать ихъ, слишкомъ уже измѣряетъ ихъ по своимъ понятіямъ.

Такъ языкъ философіи, наилучше настроенной, можетъ только лепетать по подражанію языку Божественному; одной только Богооткровенной религіи свойственно говорить объ этомъ предметѣ со всею ясностію. Предоставимъ Богу Его собственное дѣло, Онъ сдумаетъ очень хорошо защитить его предъ судомъ нашего бѣднаго разума.

Вотъ какъ Онъ ведетъ свое дѣло въ своихъ св. писаніяхъ: «они говорятъ: Господь несправедливъ!—Ужели Я несправедливъ? Не такоу ли ихъ пути развращенные?»

«Все въ природѣ повинуется Моей власти, и въ этой покорности обрѣтаетъ свое счастье; одинъ человекъ, жизненный законъ котораго—искать Меня, верховное благо, оставилъ Меня, чтобы устремиться къ своей гибели. Возможно ли почитать подобное развращеніе? Небеса! содрогнитесь отъ изумленія о семъ, плачьте двери неба безутѣшно; ибо народъ Мой сдѣлалъ два зла: оставилъ Меня, источникъ воды живой, и выкопалъ себѣ шипстые колодези, не могучіе содержать воды.» (*)

(*) Приведенныя здѣсь мѣста одни изложены въ перифразѣ, а другія переведены почти дословно изъ священныхъ книгъ пророческихъ, и преимущественно Іереміи, Исаи и Езекии.

— «И какъ онъ могъ оставить Меня? Можетъ ли дѣвица забыть уборы, которыми украшается молодая супруга—поясъ, который носить на своихъ чреслахъ?... И однакожь, народъ Мой не вспоминалъ о Мнѣ очень долгое время! — По истинѣ онъ дѣлаетъ себѣ на землѣ странныя вещи, о которыхъ нельзя слышать безъ удивленія! Коршунъ узнаетъ по небу, когда наступаетъ его время; горлица, ласточка и аистъ умѣютъ опредѣлять перюдъ времени своего перелета: а народъ Мой не узнавалъ времени Моего Суда.

— «Слушайте небеса, и земля приставь ухо! ибо Господь сталъ говорить: Я выкормилъ дѣтей и воспитывалъ ихъ; а они презрѣли Меня. Воля знаетъ того, кому онъ принадлежитъ, и осельстойло господина своего; а Мои дѣти стали не узнавать Меня.

— «Чѣмъ Я васъ обидѣлъ? Не тѣмъ ли, что поставилъ васъ во главѣ Моихъ (земныхъ) твореній, и создалъ васъ, какъ Я, свободными и разумными, чтобы вы Меня познавали и находили во Мнѣ блаженство? Какимъ же образомъ такая высота вашего назначенія обратилась въ глубину вашего паденія? Вы изломали Мой яремъ, разорвали связи со Мною и говорили: не буду служить Господу. Я носилъ васъ, какъ отборный виноградникъ, гдѣ посажены были только хорошия отрасли; какъ же вы сдѣлались дикими растениями? Что бы еще могъ Я сдѣлать, чтобы вразумить васъ, управить и привлечь ко Мнѣ вашу свободу и дать ей какими угодно предостереженіями почувствовать, что она обманывается, ница себѣ, помимо Меня, покоя и блаженства? Послѣ этого, безъ разрушенія ея, оставалось только предоставить ей обнаружиться вполнѣ. Что бы еще надлежало

сдѣлать для Моего винограда, чего Я не сдѣлалъ? Развѣ Я сдѣлалъ ему обиду, ожидая, что бы онъ принесъ хорошіе грозды, а вмѣсто того онъ принесъ дурныя и кислыя.

«Ужели они Меня раздражаютъ? говоритъ Господь, не больше ли они самимъ себѣ вредятъ, покрывая себя срамомъ?»

«Итакъ призывайте Меня покрайней мѣрѣ теперь, и вопите ко Мнѣ; говорите Мнѣ: Ты намъ Отецъ! Не пропускайте дня Моего милосердія. Ищите Господа, пока можно находить Его; призывайте Его, пока Онъ близокъ.»

«Покайтесь, не покорные сыны, обратитесь къ Отцу вашему, и Я уврачую зло, которое вы причинили сами себѣ, уклонившись отъ Меня. Мое милосердіе нетерпѣливо желаетъ изливаться на васъ, только вы сами не поставляйте ему преградъ, вынуждая своими беззаконіями не менѣе неотвратимое дѣйствіе моего правосудія; ибо вашими только беззаконіями отвращаются Мои милости, и только ваши грѣхи поставляютъ препятствіе тому благодѣянію, которое Я готовъ сдѣлать вамъ.»

«Отнынь перестаньте дѣлать зло; ищите справедливости; потомъ опять приходите, и защищайте ваше дѣло противъ Меня; напомните Мнѣ обо всемъ. Станемъ защищать каждый свое дѣло, а вы объясните все, что могло бы служить къ вашему оправданію. И если грѣхи ваши будутъ, какъ багрянецъ, Я послѣ нихъ убью васъ, какъ египтянъ.»

«Ибо вотъ что говоритъ Всевышній, живущій вѣчно, имя Котораго свято: два обиталища Мнѣ приятны: мѣсто высочайшее, мѣсто святое,.... и духъ смиренный и сердце сокрушенное, и Я сооб-

щаю жизнь тѣмъ, у кого духъ смиренъ и сердце сокрушенно; такъ какъ отъ Меня произошли духи и Мною сотворены души.

«Служители правосудія, не спѣшите! Еще наставленіемъ наставляйте! Еще наставленіемъ наставляйте. Еще ожиданіемъ ожидайте, еще ожиданіемъ ожидайте!

«Но если и послѣ сего вы остаетесь въ вашемъ противленіи и вмѣсто раскаянія говорите: я безъ грѣха, я не виновенъ,.... въ такомъ случаѣ наступаетъ конецъ рѣшительно, и надобно покончить. Я выступлю на судъ съ вами. *Что же нужно для вашего посрамленія?* Ничего кромѣ васъ самихъ; ибо ваша собственная злоба осудитъ васъ; ваше удаленіе отъ Меня возстанетъ противъ васъ; изъ внутренности вашей Я изведу огонь, имѣющій пожирать ваши утробы. Тогда скорбь дастъ вамъ понять то что вамъ было говорено, и всякая неправда заградитъ уста нечестивому.

«Увы! я злосчастный, скажетъ тогда грѣшникъ, я всецѣло пораженъ и сокрушенъ; моя язва злокачественна и неисцѣльна; но я же самъ говорилъ себѣ: я самъ—единственная причина моего злополучія и по справедливости его терплю.

«Такимъ то образомъ Моимъ правосудіемъ Я вновь приведу васъ въ подчиненіе, отъ котораго вы убѣгали, когда Мое милосердіе убѣждало васъ къ тому; ибо всякій долженъ возвратиться къ всеобщему порядку, закономъ котораго все держится въ повиновеніи Мнѣ.—Съ Моею безконечною сущностію несовмѣстны никакія ограниченія; надобно, чтобы почитали Меня и трепетали отъ страха предъ лицомъ Моимъ; ибо я положилъ песокъ въ огражденіе моря и постановилъ ему законъ въч-

шій, котораго оно никогда не нарушить.

«Послѣ этого видите, что Мои мысли не то, что мысли ваши, и Мои пути не то, что пути ваши; но насколько небо выше земли, настолько мои пути выше вашихъ путей, и Мои мысли выше вашихъ мыслей».

Какая религія, кромѣ Христіанской, говоритъ такимъ языкомъ и сообщаетъ такія мысли о Божествѣ?! Какая религія, поставляя Божество, по Его безконечному величію, безпредѣльно выше всѣхъ понятій нашихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ Его, по Его отношеніямъ къ намъ, принимающимъ столь близкое участіе въ нашей судьбѣ и назначеніи и столь удовлетворительно примиряетъ между собою Его свойства, объясняя соответствіе ихъ всѣмъ направленіямъ сердца человѣческаго?!

Какая религія больше имѣла права говорить о *правосудіи* Бога, кромѣ Религіи Христіанской, сообщающей самую высокую идею о *святости* Его, всегда однакожъ умѣряющей правосудіе Его *милосердіемъ*?!

Какая когда религія озаряла человѣка и величіе его назначенія такимъ яркимъ и животворнымъ свѣтомъ, и чрезъ то представляла его болѣе виновнымъ за уклоненіе отъ своего назначенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе обращала вниманія на его немощи и слабости и подавала ему столько средствъ и пособій для его возстановленія?!

Характеръ всякой истины, сообразно ея свойству и значенію, строго выдерживается въ Божественной экономіи Христіанской Религіи, которая, подобно Богу, ея исповѣдуемому, настолько выше

всѣхъ нашихъ помысловъ, насколько небо выше земли.

Съ этой однакожь недостигаемой высоты она спускается до ограниченныхъ слабыхъ способностей нашихъ; и, оставаясь превъше разума человеческого, она является удивительнымъ образомъ соответствующею наиболѣе чистымъ познаніямъ разума, о которомъ вмѣстѣ съ д' Агессо можно сказать, что онъ, хотя никогда не возвышался до познанія этого ученія, однакожь всегда признавалъ его (*).

Тайною, безъ сомнѣнія, остаются по сущности всѣ догматы Христіанскіе; иначе это и быть не можетъ, потому что основаніе всѣхъ догматовъ заключается въ самомъ Богѣ; а Онъ безпредѣленъ и непостижимъ. Но эта непостижимость Христіанскихъ догматовъ не вполне безусловна. Свѣтъ, посредствомъ котораго они приходятъ въ соприкосновеніе съ духомъ человеческимъ и входятъ въ область разума нашего, простирается даже слишкомъ далеко, чтобы заставить разумъ принимать и ту сторону въ догматахъ, которая ускользаетъ отъ его пониманія; потому что въ семь случаевъ встрѣтилось бы для разума больше трудностей отвергнуть то, что онъ понимаетъ въ догматахъ, чѣмъ допустить то, чего въ нихъ не понимаетъ онъ. И даже между этими свѣтомъ и темнотою нѣтъ такого отношенія, которое не имѣло бы своего закона, и котораго потому разумъ не допускалъ бы, когда онъ замѣчаетъ, что то, что въ догматахъ можетъ быть обращено для жизни и нравственнаго совершенства, свѣтло и свѣтоносно, и только чисто созерцательная сторона ихъ остается темно-

(*). *Réflexions divers sur Jesus Christ*, in 8°, t. XV, p. 468.

тнн. (*) Это вызвало у одного христіанскаго мыслителя слѣдующую мысль: «въ Христіанствѣ, правильно понимаемомъ, тайны суть истины, чисто созерцательныя, изъ которыхъ, чрезъ соединеніе

1) Самая непонятная сторона въ ученіи объ адѣ, составляющая какъ бы средоточіе его непостижимости, есть мысль о согласіи Божественнаго *предвѣдѣнія*, по которому Богъ напередъ знаетъ участь отверженныхъ, и *Его благодати*, которая, не смотря на это предвѣдѣніе, не останавливаетъ Его даровать бытіе и жизнь тѣмъ людямъ, которые должны быть вѣчно несчастны. Мы могли бы остановиться на этомъ пунктѣ, и, быть можетъ, представили бы нѣкоторое поясненіе его; но какъ, при всѣхъ объясненіяхъ нашихъ, оставался бы все еще мракъ, который мы могли бы только передвинуть съ одного мѣста на другое; то мы поудержались отъ этого, считая за лучшее въ семъ отношеніи вполнѣ подчинять свой разумъ вѣрѣ, чѣмъ приучать его останавливаться размышленіемъ на затрудненіяхъ, дающихъ себя чувствовать больше, нежели отвѣты на нихъ, и возбуждать въ немъ надежду, что онъ добьется до рѣшенія ихъ.—Впрочемъ мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что эта тайна вѣры сходна съ тайною разума, не менѣе той, неразрѣшимою и непостижимою, — это тайна согласія *предвѣдѣнія* Божія и *свободы* человѣческой. Тайну эту неизбѣжно однакожь принимать, чтобы не впасть въ *атеизмъ*, или *фатализмъ*.—При всемъ этомъ надобно всегда держаться правила, которое здравымъ смысломъ внушено Боссюэту: «никогда не должно отступать отъ истинъ, однажды познанныхъ, какія бы затрудненія ни встрѣтились при желаніи согласить и примирить ихъ; а, наоборотъ, надобно крѣпко держать ихъ, какъ два конца цѣпи, хотя бы и никогда не была видна середина ея, посредствомъ которой держится связь кон-

одной тайны съ другою, рождаются истины, въ высшей степени практическія.» (*)

И эта мысль приводитъ насъ къ основной истинѣ, которою, но нашему мнѣнію, очень часто пренебрегаютъ въ христіанской полемикѣ,—истинѣ, что наши тайны представляются тягостными для разума только тогда, когда ихъ разъединяютъ между собою. Это и должно быть такъ, потому что въ семъ слочаѣ мы опредѣляемъ ихъ только сравнительными понятіями, взятыми изъ круга нашихъ собственныхъ познаній, и слѣдственно, безъ живаго соотношенія съ безконечнымъ и, сверхъ сего, потому, что такъ какъ догматы Христіанскіе суть откровеніе свойствъ Божіихъ, которыя всѣ въ сущности Божеской составляютъ высочайшее *единство*; то раздроблять и разъединять ихъ, значитъ измѣнять самую сущность ихъ. Напротивъ, если мы понимаемъ и рассматри-

цевъ“.—(Traité du libre arbitre, chap. IV)—Къ этому можно еще присовокупить мысль Лейбница, съ нею относящуюся: „Все что мы знаемъ, говоритъ онъ, о дѣятельности Бога въ мірѣ, почти ничего не значить такими познаніями нашими мы хотѣли бы измѣрить Его премудрость и благость: какое безразсудство, и лучше, какая нелѣпость! Возраженія предполагаютъ ложь и фальшь: смѣшно разсуждать о правѣ и справедливости, когда не знаютъ самаго факта. Говоритъ съ святымъ Апостоломъ Павломъ: *о бездна богатства и премудрости, и вѣдѣній Божія!* не значить еще отрекаться отъ разума, а болѣе значить пользоваться причинами, познанными нашимъ разумомъ, ибо онѣ внушаютъ намъ мысль о той неизмѣримости Божіей, о которой говоритъ Св. Апостолъ“ (Theodicée, part. II p. 134).

(*) Pensées, Essais et Maximes de J. Joubert, t. 1, p. 3.

всѣмъ ихъ въ ихъ взаимной связи, если измѣряемъ и опредѣляемъ ихъ однѣ посредствомъ другихъ, въ общую соотвѣствующую ихъ собственной природѣ; тогда можемъ усматривать, какое они имѣютъ отношеніе другъ къ другу, какъ уравниваются одна другими и взаимно соединяются между собою, представляясь основаніемъ однѣ для другихъ. Въ семъ случаѣ ихъ частная несообразность не можетъ теряться въ гармоніи цѣлаго и даже представляется существенною для этой гармоніи, подобно тѣмъ смѣлымъ фрескамъ въ куполахъ нашихъ храмовъ, которые надобно разсматривать въ ихъ совокупности и съ той точки зрѣнія, для которой было рассчитано ихъ впечатлѣніе.

Такимъ образомъ рядомъ съ бездною правды раскрывается бездна милосердія, и обѣ онѣ взаимно наполняютъ другъ друга; потому что необходимо, какъ говоритъ Паскаль, чтобы «справедліе Бога было также безпредѣльно, какъ и Его милосердіе.» Адъ представляется намъ слишкомъ непонятнымъ лишь потому, что мы естественнымъ путемъ не можемъ составить себѣ достаточнаго понятія какъ о важности грѣха, за который возмездіемъ челоуѣка муки адскія, такъ и о легкой для насъ возможности убѣгать его, отмаливаться отъ него. Но вотъ догматъ объ Искупленіи помогаетъ намъ поколебать основанія этой непонятности. Съ раскрытіемъ этого догмата выяснится та истина, что грѣхъ такъ важенъ, что для изглаженія его требовалось не меньше, какъ смерть Богочелоуѣка, и что спасительныя средства, которыми усвоается намъ очищеніе отъ грѣха, такъ драгоценны, что челоуѣкъ, въ высшей степени оскверненный преступленіями, можетъ совершить еще неизмѣримо большій грѣхъ;—это грѣхъ отпачиванія въ прощеніи своихъ грѣховъ.

ПЛОДЫ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ.

(Окончаніе.)

Мать бѣднаго семейства А. П., оставшись послѣ мужа своего съ шестью малолѣтними сыновьями, изъ коихъ старшему было не болѣе 12 лѣтъ и безъ всякаго состоянія, безропотно сносила всякія нужды; день и ночь трудилась, чтобы только пропитать свое семейство.—Единственное ея занятіе состояло въ томъ, что она пекла гречишники и калачи, и скудными процентами отъ этого промысла питала свое семейство. Но и среди постоянныхъ своихъ трудовъ и недостатковъ находила возможнымъ воспитывать дѣтей своихъ въ страхъ Божіемъ и слѣдить за ихъ нравственностію. Не получивъ сама никакого воспитанія, она умѣла только усердно трудиться и молиться Богу, кратко и ласково обращаться съ своими сосѣдями и знакомыми; все это она заботилась внушить и своимъ дѣтямъ. Научивъ ихъ молиться Богу и читать всѣ тѣ молитвы, какія и какъ знала сама, она заставляла ихъ каждый праздничный день быть въ храмъ Божіемъ. Бывало одѣнетъ всѣхъ ихъ чистою хонько, хоть и не богато, укажетъ каждому изъ нихъ мѣсто въ церкви, чтобы ей можно было видѣть, какъ они будутъ стоять тамъ, и отправитъ ихъ; а сама отправится въ слѣдъ за ними. Если всѣ они въ церкви стояли хорошо, молились Богу усердно,—всѣмъ имъ дастъ, по приходѣ домой, куску пирога или по пьшкѣ и на всѣхъ надѣнетъ праздничныя рубашки; а если кто въ чемъ провинится, не только не дастъ ему пирога и рубашки, но не пуститъ его во весь день даже играть на улицу.—Учила ихъ быть почтительными и уважительными къ старшимъ себя. Всякому старшему при встрѣчѣ она приказывала имъ кланяться;

если кто не поклонится старшему, а особенно если скажет кому либо грубость, хоть и небольшую, это дойдет до ея свѣдѣнія; то волоса и уши виновнаго отвѣчали бывало предъ судомъ матери, за шалости и проступки поважнѣе она подвергалась имъ и большому наказанію.—И услужить ближнимъ бывало никто такъ не услужить, какъ дѣти А. П. Нужна ли бывало сосѣдямъ какая либо помощь въ работѣ,—дѣти ея тотчасъ, по первому слову, явятся и живо все сдѣлаютъ, не ожидая за то никакой награды.—Держали себя они очень аккуратно; одежда на нихъ всегда чистая, волосы причесаны, лицо умыто; сами ребята живые, бодрые, веселые,—любо посмотреть, шалостей за ними никто и никогда не замѣчалъ.

Любили же ихъ за все это и сосѣди. Когда подросли старшіе изъ нихъ и имъ нужно было купить лошадь и обзавестись всѣмъ нужнымъ для ея, а капитала у нихъ не было ни гроша для этого, сосѣдинимъ охотно помогли: одинъ далъ лошадь въ домъ до поправки, другой хомутъ, а третій и все прочее. Но особенно эта любовь къ нимъ сосѣдей выразилась въ то время, когда трое изъ нихъ подросли и имъ нужно было ставить рекрута.—Хоть они и торговали уже хлѣбомъ, но все еще капиталъ ихъ не былъ такъ великъ, чтобы можно было имъ подумать о наймѣ за себя охотника. Между тѣмъ сосѣди приняли въ нихъ живое, даже какъ быродственное, участіе; тотчасъ предложили имъ въ займы безъ процентовъ деньги и указали охотника; охотникъ былъ сданъ въ рекруты и они остались при матери. Наконецъ подросли всѣ шесть сыновъ А. П. и всѣ начали промышлять; кто сталъ торговать хлѣбомъ, кто содержать постоялый дворъ, а тѣ пошли служить по виннымъ ступамъ; и всѣ вышли ребята умные, дѣльные и

расторопные. Благословилъ ихъ Богъ такъ, что каждый изъ нихъ составилъ себѣ очень порядочный капиталъ и все они сдѣлались въ обществѣ людьми почтенными и уважаемыми. Благословилъ Богъ и А. П., подъ конецъ жизни ея, насладиться плодами своихъ трудовъ и заботъ; забыла она и свою кошелку, изъ которой продавала калачи и черепенники; ознакомилась она и съ шелковой одеждою и самоваромъ; но Бога по конецъ своей жизни помнила.—Живя въ довольствѣ и изобиліи, она только и находила удовольствіе—каждодневно быть въ храмѣ Божіемъ и благодарить Бога за Его благодѣянія, щедро излитыя на ея дѣтей и на нее саму.

А. П. любила своихъ дѣтей, потому и держала ихъ строго, и подъ конецъ жизни радовалась на нихъ. Воспитывала ихъ благоразумно, и успокоена была ими въ старости.—

ВЫШЕНСКАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА КАЗАНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

25 число ноября 1827 г. останется навсегда памятнымъ для Вышенской Пустыни (Шацкаго уѣзда тамбовской епархіи); въ этотъ день ее посѣтила особенная милость Божія. Въ храмъ этой пустыни перенесена и поставлена была чудотворная икона Казанской Божіей Матери и при ней серебряный вызолоченный крестъ, съ частями честныхъ мощей св. евангелиста Матѳея, Василія Великаго, Спиридона Тримифунтскаго и частію крови Предтечи Христова Іоанна.

Икона эта написана, древнею кистью, на доскѣ неслишкомъ большаго размѣра (около $\frac{1}{2}$ аршина). Впослѣдствіи, иждивеніемъ покойнаго помещика С. К. Нарышкина, она украшена серебряною, чеканною, съ позолотою и разными драгоценными камнями, ризою. По отзыву знатоковъ, риза эта стоитъ неменѣе двухъ тысячъ рублей.

Вотъ краткая, но чудесная, исторія этой иконы. Первоначально она составляла собственность московской, изъ дворянъ, монахини, Мироніи Ивановны Данковой. Отправляясь въ смутное время 1812 года изъ Москвы на жительство въ Тамбовъ, Миронія Ивановна взяла съ собою и эту икону Богоматери—благословеніе своихъ родителей. Тутъ-то впервые и проявляется чудотворность святой иконы. Извозчикъ, съ которымъ ѣхала Миронія Ивановна, пользуясь видимою беззащитностью монахини, вздумалъ лишить ее жизни и, вылучивъ удобный случай, поворотилъ съ дороги въ лѣсъ. Попыла намѣреніе злодѣя Миронія Ивановна и обратилась съ жаркою молитвою о избавленіи къ Царицѣ Небесной. Во время этой молитвы услышала она голосъ, исходившій отъ иконы Божіей Матери: *«не бойся! Я твоя Заступница.»* Злодѣй, мгновенно пораженный слѣпотою, раскаялся въ преступномъ намѣреніи, сталъ просить прощенія Мироніи и по ея молитвамъ, получилъ прозрѣніе. Добывъ подъ покровительствомъ Божіей Матери благополучно до Тамбова, Миронія Ивановна определилась въ тамошній женскій монастырь, а чудотворственный образъ своей Заступницы поставила въ своей кельѣ.

Спустя нѣсколько времени благочестивая монахиня пять удостоилась видѣть чудо отъ описываемой иконы. Голосъ, исходившій отъ нея, повелѣвалъ Мироніи перенести ее (икону) въ Вышенскую пустынь. Миронія испугалась, смутилась, но не приняла никакого рѣшительнаго относительно повелѣнія Царицы Небесной. Голосъ повторилъ свое требованіе въ другой и третій разъ; тогда благочестивая Миронія, не желая разстаться съ иконою своей Заступницы при жизни, завѣщала въ своей духовной запискѣ перенести ее икону въ Вышенскую Пустынь, что, послѣ смерти Мироніи, и исполнено было, къ сильнѣйшей радости иноковъ этой обители.

Съ того самаго времени, какъ описываемая икона перенесена въ Вышенскую Пустынь, или, по крайней мѣрѣ, съ давняго времени, очень часто, а особенно на канунъ Богородичныхъ праздниковъ, разливается отъ нея чудный свѣтъ, осіява-

ющій храмъ ярче, чѣмъ освѣщаетъ его огонь отъ лампады и свѣчь. Свѣтъ этотъ видимъ бываетъ не для однихъ только вышенскихъ иноковъ, но и для многихъ посѣтителей этой пустыни.

Что касается до случаевъ исцѣленій и благотной помощи отъ молитвъ предъ этою чудодѣйственною иконою, то они очень многочисленны; и едвали найдете какая вѣрующая душа, которая, обращаясь къ ней съ горячею молитвою для испрошенія себѣ заступленія и помощи, не получила бы, въ награду за вѣру и молитвы, то и другое. А поэтому икона эта всегда видѣла и видитъ предъ собою большое стеченіе народа.

По усердію поклонниковъ описываемая икона съ благословенія святѣйшаго Синода, каждый годъ посѣщаетъ городъ Моршанскъ съ его окрестностями на мѣсяць, не преставая и здѣсь на каждомъ шагу оставлять свидѣтельства своей чудотворности и милости къ намъ Царицы Небесной. Такъ въ городѣ Моршанскѣ она прекратила сильный пожаръ. Особенно удивителенъ одинъ случай, происшедшій во время перенесенія описываемой иконы изъ Вышенской Пустыни въ г. Моршанскъ и живо напоминающій вдовицу Сарепты Судоносной. Въ деревнѣ, *Шацкіе Дворики*, гдѣ несли икону расположились ночевать, оказалось, что нѣтъ масла для зажженія предъ иконою на ночь. Какая—то бѣдная старушка—крестьянка охотно вызвалась принести немножко оставшагося у нея масла и принесла съ полрюмки, которое было налито въ лампаду и зажжено предъ иконою. Вставши на другой день, увидѣли, что масло въ лампадѣ горитъ, но не убавилось.

Зимою въ Вышенской Пустыни икона эта поставляется въ кіотъ за правымъ клиросомъ теплой Успенской церкви, а лѣтомъ, въ томъ же кіотѣ по лѣвую сторону царскихъ вратъ, въ мѣстномъ образѣ, въ холодномъ Каванскомъ соборѣ.

Священникъ Θεодоръ Бѣльскій.
село Окольмѣево.

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Геннадій.

Съ дозволенія цензуры. 20 Іюня 1867 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской улицѣ.